

**МОНИТОР
ЗАРУБЕЖНОЙ
ЭКСПЕРТИЗЫ:
мировая политика**

2026 - I

НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ИНСТИТУТ
МИРОВОЙ ЭКОНОМИКИ И МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ
имени Е.М. ПРИМАКОВА
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

МОНИТОР ЗАРУБЕЖНОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ: мировая политика

МОСКВА
ИМЭМО РАН

Март 2026

Электронный ресурс ИМЭМО РАН
Научно-справочное издание
Центр ситуационного анализа ИМЭМО РАН

Над выпуском работали:

*К.В. Богданов, Т.М. Кадырмамбетов, С.В. Кислицын, И.Я. Кобринская,
В.М. Кононова, А.Д. Кулинич, А.Е. Павлов,
М.В. Садовникова, П.П. Тимофеев, А.В. Федотов*

Ответственный редактор: *А.Е. Павлов*

Руководители проекта: *К.В. Богданов, И.Я. Кобринская*

«Монитор зарубежной экспертизы» информирует читателя о проблемах, идеях и смысловых акцентах в публикациях авторитетных зарубежных аналитических центров и экспертов, чье мнение востребовано в процессе принятия решений.

Издание состоит из рефератов публикаций, сгруппированных по тематическим рубрикам. Приоритет отдан докладам и программным материалам (*policy papers*), но при необходимости используются и оперативные комментарии. В материалах сохранена авторская подача. Каждый выпуск Монитора открывается обобщающим аналитическим обзором.

Монитор призван стать «информацией к размышлению» для коллег в исследовательских институтах и высших учебных заведениях, а также структурах, участвующих в выработке внешней политики и политики безопасности Российской Федерации.

Публикации ИМЭМО РАН размещаются на сайте <https://www.imemo.ru>

Содержание

Некоторые наблюдения над наблюдающими	4
Международная безопасность и контроль над вооружениями	13
Эволюция американской внешнеполитической стратегии	23
Трансатлантические отношения и «стратегическая автономия» Европы .	31
Россия и постсоветское пространство	45
Взгляд КНР на глобальные тенденции	52
Ближний Восток и его соседи	60
Приложение: зарубежные аналитические центры	67

Некоторые наблюдения над наблюдающими

Опубликованные в конце 2025 — начале 2026 гг. документы стратегического планирования текущей администрации США так и не прояснили ситуацию с приоритетами и целями Вашингтона, а скорее еще больше запутали. Поэтому мировые «мозговые тресты» продолжают попытки концептуально освоить американский внешнеполитический курс.

Интересную работу опубликовал в *Foreign Affairs* Стивен Уолт, один из классиков политического неореализма. Характеризуя гегемонистскую политику Дональда Трампа как «хищническую игру с нулевой суммой», Уолт указывает на ее структурные ограничения. По его мнению, приоритетный фокус на тактических выгодах силового давления подрывает стратегическую устойчивость гегемонии США в будущем, разрушая союзы и создавая избыточное давление неопределенности, что в конечном счете отрицательно скажется на безопасности самой Америки.

Одновременно с этим консервативные эксперты, близкие к республиканцам, продолжают тянуть одеяло в обратную сторону. В материалах фонда «Наследие» политика Трампа «мир посредством силы» провозглашается верной на уровне рамочных принципов, после чего следуют требования конкретных действий в связи с растущими китайской (в основном) и российской (в меньшей степени) угрозами. Звучат призывы существенно нарастить вооруженные силы и расходы на них. Так, мнение Трампа о том, что к нынешнему 1 трлн долл. военных расходов надо добавить еще полтриллиона, получило одобрение, но указывается, что на самом деле потребуется еще больше.

Китайские эксперты Университета Цинхуа ищут в новых американских документах следы прагматического изоляционизма. Они отмечают, что идеологический компонент на китайском направлении внешней политики США ослабевает, и Вашингтон больше фокусируется на внутренних проблемах: «от интернационализма к национализму». Решения администрации Трампа трактуются как потенциально ослабляющие трансатлантическую систему отношений из-за переоценки в США стратегической роли Европы. Но при этом система американских союзов в Индо-Тихоокеанском регионе, как считается, крепнет. Национализм новой администрации, подчеркивают в Китае, не ведет к снижению давления на КНР в Тихоокеанской Азии, а лишь меняет акценты в политике сдерживания, поощряя региональных союзников США к более активному перевооружению и наращиванию военных расходов.

Французская экспертиза указывает на двойственность политики Трампа по китайскому треку в одной из самых болезненных для Пекина точек — в отношении Тайваня. С одной стороны, Вашингтон продолжает поддержку Тайбэя. С другой — усиливает на него давление, в основном, требуя наращивать закупки и инвестиции в США. Вслед за недавними намеками британской экспертизы в отношении возможной нейтрально-посреднической роли Лондона в конфликтах в Тихоокеанской Азии, подмеченными в одном из предыдущих выпусков «Монитора»¹, появляются аналогичные сигналы и от Парижа. Европа и Тайвань, согласно приведенному мнению, во многом одинаково пострадали от американо-китайской конфронтации, а потому они могли бы координировать свое партнерство в рамках взаимного развития стратегической автономии. Видно, что страны Европы продолжают искать

¹ См. «Монитор зарубежной экспертизы» за сентябрь 2025 г. С.19. URL: <https://www.imemo.ru/files/File/ru/publ/Monitor/Monitor-ZarubExpert-September2025.pdf>.

свое место в беспокойной геополитике Индо-Тихоокеанского региона, и роль младших партнеров США по сдерживанию Китая их устраивает все меньше.

По-прежнему одной из ключевых проблем американского внешнеполитического курса является динамика трансатлантических отношений, судьба НАТО и непосредственно связанный с ними вопрос о стратегической автономии Европы, который в последние годы из предмета теоретических дискуссий стал быстро превращаться в ориентир практической политики. Вопросы военной безопасности «Старого света», милитаризации европейских государств и будущего американской системы расширенного сдерживания для Европы продолжают оставаться актуальными в свете продолжающихся боевых действий на Украине.

Немецкая экспертиза традиционно ориентирована на мышление в ключе единого трансатлантического союза, поэтому она продолжает критический анализ американского внешнеполитического курса именно с этой точки зрения: что конкретно он означает для привычного порядка вещей, давно сложившегося в Евроатлантическом регионе? Пока что выводы сродни нарративу чеховского «Вишневого сада». Закончена эпоха «благосклонной гегемонии» — термин, удивительно созвучный «плюралистической однополярности» Алексея Богатурова, с помощью которого тот описывал мировую систему 1990-х годов и самого начала 2000-х. США движутся к «конкурентному авторитаризму» и дискредитируют международные режимы и организации. Европа находится в слабой позиции, при этом сейчас она не может пойти на упреждающий разрыв с США, так как в самой чувствительной сфере — обороны и безопасности — безальтернативно зависит от Вашингтона. Тут уже видны параллели с другими описательными нарративами, например «стратегическим паразитизмом» Европы, как его формулировал в последние годы Сергей Караганов. Вывод столь же прост, сколь и политически бессодержателен: Европе нужно двигаться к меньшей зависимости от США — чего, по-видимому, Вашингтон сейчас и добивается,

не взирая на последствия. Опять повторяется сделанный ранее нами вывод о том, что структуры внутри Европы, прежде максимально ориентированные на сохранение трансатлантического взаимодействия, становятся ведущими проводниками и текущей американской политики².

Одним из поводов поразмышлять о безопасности Евроатлантического пространства стала очередная серия американских попыток заполучить Гренландию. Рассуждения о стратегическом значении Арктики вообще и Гренландии в частности позволяют европейским «мозговым трестам» в очередной раз поднять тему стратегической автономии и устойчивой политики безопасности. В целом видны попытки «заиграть» гренландскую тему в ее американском (аннексионном) изводе в пользу «совместного присутствия» на острове Европы и США для обеспечения общих интересов. Германская линия, как более «проатлантическая», пытается обернуть это предложение в стратегию совместного противостояния проникновению Китая в Арктику — подача, совместная с упомянутым выше замечанием про политику США, ведущую к укреплению Китая. Французская линия более резкая с геополитической точки зрения — она, скорее, ориентирована на стратегическую автономию Европы и подчеркивает значимость задачи отстоять Гренландию от американских посягательств. При этом она подразумевает поиск совместных компромиссных решений по освоению острова, а не политической конфронтации с Вашингтоном.

Периодически возникают и попытки осмыслить мир в период после завершения Украинского кризиса. Так, совместная публикация Сэмюэля Чарапа (США) и Хиски Хауккалы (Финляндия) прямо указывает на то, что без проактивной политики по стабилизации отношений и ограниченной

² См. «Монитор», выпуск II, сентябрь 2025 г. С.17. URL: <https://www.imemo.ru/files/File/ru/publ/Monitor/Monitor-ZarubExpert-September2025.pdf>.

политико-экономической реинтеграции Запада и России ситуация после окончания боевых действий окажется взрывоопасной. Она, утверждается в материале, чревата эскалацией до уровня войны между Россией и НАТО. Авторы критикуют американское отстранение от Европы, видя в этом источник рисков. Развитие европейского компонента сдерживания видится им шагом в правильном направлении, но здесь они призывают соблюдать умеренность, не пытаясь «сдерживать всё». Однако другие работы по линии урегулирования Украинского кризиса продолжают прежнюю линию «противостояния максималистским требованиям Москвы», дополненную необходимостью «противостоять» еще и позиции Вашингтона, «подверженной российским манипуляциям».

Итоги Мюнхенской конференции 2026 г. оцениваются двояко. Выступление Марко Рубио многими было воспринято чуть ли не как сигнал к развороту американской политики в привычное русло, однако в основном доминировал скептический подход: Европа отдаляется от Вашингтона, актуализируются противоречия в системе расширенного сдерживания и дисбалансы в военных потенциалах, а решений для Европы на конференции предложено не было. В пандан этому звучат попытки, которые трудно интерпретировать иначе, нежели как стратегическую манипуляцию: поведение США описывается как играющее на усиление роли Китая в многополярном мире, что подрывает доверие союзников и партнеров к Вашингтону, разрушая его альянсы.

При этом сама модель многополярного мира, как бы она ни интерпретировалась с точки зрения усиления КНР, активно исследуется в Европе. Концепция «партнерства средних держав», предложенная сразу в нескольких материалах, как раз и поднимает тему стратегии для значимых игроков второго эшелона в многополярном мире. Европа осознает необходимость устойчивого партнерства с неевропейскими «средними державами», но в то же время остается ощущение некоторой запоздалости

такой реакции. Пока что интеллектуальная разработка этого направления сводится к укреплению европейской обороны и созданию противовеса «деструктивному влиянию» России и Китая в странах Глобального Юга — то есть, по сути, к оборонительному реактивному мышлению. Утверждения про то, что Европе пора бы отказаться от роли хранителя умирающего миропорядка, остаются лозунгами.

Что характерно, роль «средних держав» (например, Турции, Бразилии и ЮАР) интересует и китайских экспертов, которые видят в их усилении тенденцию к формированию истинной «равноправной» многополярности без навязывания «порядка, основанного на правилах» и деления на сферы влияния — в противовес американской модели, характеризуемой как «империалистическая», или поведению европейских стран, которое трактуется как оппортунистическое, связанное с колебаниями между ориентацией на США и формированием стратегической автономии. В Китае считают целесообразным постепенно включать «средние державы» в обсуждение глобальных проблем и совместные действия по их преодолению, а попытки «отдельных стран» расколоть Глобальный Юг — закономерно критикуются.

При этом китайские эксперты заметно более осторожно, чем европейские, относятся к тезису о катастрофе миропорядка. Китайская экспертиза предпочитает более мягкие формулировки, наподобие «временного возрождения гегемонизма» и «беспорядка в международных отношениях», подразумевая, что это преодолимые сложности и, возможно, глобализацию можно вернуть к общей выгоде. Один из материалов трактует происходящее как временную «рефеодализацию» мира, связанную со структурным упадком американской гегемонии. «Феодальное» состояние миропорядка трактуется не как достижение суверенности отдельными игроками, а как сугубо негативное явление, которое необходимо преодолевать путем многостороннего глобального диалога и укрепления институтов.

Важной проблемной зоной остается вопрос о военно-стратегических балансах, стратегической стабильности и судьбе контроля над вооружениями. Здесь можно видеть как попытки собственно американской экспертизы подтолкнуть правительство к определенным решениям, так и попытки представителей прочих крупных игроков (Великобритания, континентальная Европа, Китай) осмыслить происходящее.

Американская консервативная экспертиза, например, уже упомянутый фонд «Наследие», ощущая «окно возможностей», не оставляет попыток продвинуть милитаризацию США и на этом треке. В частности, они подводят идейно-теоретическую базу под создание интегрированной системы ПРО «Золотой купол», утверждая, что Вашингтону пора отказаться от «устаревшей» идеи «взаимного гарантированного уничтожения» и канонического понимания противоракетной обороны как деструктивного фактора в системе стратегической стабильности. Отсюда, целый ряд спорных и, временами, откровенно вздорных суждений — например, про то, что Россия/СССР якобы никогда и не были привержены идее взаимной уязвимости, лежащей в основе «прежнего» понимания стратегической стабильности. Сильная ПРО, по мнению авторов, должна гарантировать США от проявлений «ядерного принуждения» через ограниченное применение ядерного оружия на фоне роста «двойной» угрозы: от России и от Китая.

Ядерное сдерживание продолжает волновать Европу; это один из критически важных вопросов конструирования новой архитектуры безопасности «Старого света». В целом, отправной точкой является растущее недоверие к достоверности американского расширенного сдерживания: «ядерный зонтик» над Европой воспринимается, пусть даже преждевременно, как нечто все более эфемерное. При этом варианты укрепления ядерного сдерживания фокусируются вокруг восстановления отношений с США. Опора на франко-британский ядерный альянс считается слишком сложным шагом, сопряженным с большими расходами национальных правительств в Лондоне

и Париже. Этот вариант может укрепить американское сдерживание в Европе, но не заменить его. При этом создание именно общеевропейского ядерного компонента оценивается как практически невероятное: аналитики готовы допускать такой сценарий только в случае катастрофического шока наподобие тотального разгрома Украины, выхода США из НАТО или даже прямого нападения России на европейские страны. Интересно эпизодическое обращение к формату «ядерной пятерки» (P5) как институциональной площадке для диалога с КНР и Россией, который до определенной степени может повысить прозрачность обстановки и снизить ядерные риски.

Многие, причем как на Западе, так и в Китае, упреждающе обращают внимание на Обзорную конференцию Договора о нераспространении ядерного оружия (ОК ДНЯО), которая пройдет в апреле-мае этого года в Нью-Йорке. Стороны озабочены потенциальным острым кризисом или даже распадом глобальной системы ядерного нераспространения. Однако если китайский подход в этом вопросе более широкий, слабо конкретный и, вообще говоря, довольно привычен («за все хорошее против всего плохого»), то западная экспертиза фокусируется на отдельных практически значимых шагах по спасению ситуации. В частности, предлагается политическими декларациями укрепить формально не действующий Договор о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний (ДВЗЯИ), для чего звучит призыв объединить усилия США и Европы. В такой формулировке, при всей ее благожелательности и даже критике в адрес Вашингтона за безрассудное поведение, видится определенное развитие свежего американского нарратива о якобы имевших место в последнее время китайских испытаниях ядерного оружия.

Разгар войны на Ближнем Востоке стимулирует очередную серию региональных исследований в области безопасности. Актуальность приобрел анализ устойчивости экономики и инфраструктуры государств региона в контексте массового применения дешевого и дальнобойного высокоточного

оружия (дронов-камикадзе). Основные выводы сводятся к тому, что странам Залива (а вслед за ними и остальным) после войны придется гораздо больше вкладываться в системы ПВО, гражданской обороны и мероприятия по повышению устойчивости инфраструктурных объектов к атакам — то есть, по сути, повторять актуальный израильский опыт.

Позицию внешних игроков, имеющих интересы в Иране, в регионе оценивают сдержанно. Россия, как указывается в одном израильском исследовании, с одной стороны, выиграла из-за нестабильности на глобальном рынке энергоносителей и отвлечения внимания Запада от Украины на Ближний Восток. С другой стороны, дестабилизация иранского режима бьет по глобальным позициям Москвы, а «витринный» проект Бушерской АЭС находится под ударом. Китай, как указывается в другом исследовании, ведет себя крайне осторожно. Несмотря на тесные связи с Тегераном, ему важнее сохранять гибкость маневрирования, не разменивая ее на однозначную поддержку одной из сторон конфликта.

Международная безопасность и контроль над вооружениями

Стратегическая стабильность в условиях ядерного треугольника: наступательные возможности, противоракетная оборона и отказ от взаимной уязвимости

Фонд «Наследие», США

В работе ставится под сомнение работоспособность принципа взаимной уязвимости и консенсуса о дестабилизирующем характере ПРО. Обосновывается необходимость одновременно наращивать наступательные стратегические возможности США и развертывать систему ПРО «Золотой купол». Подчеркивается, что соответствующие решения необязательно приведут к гонке вооружений.

Соединенные Штаты и их союзники сталкиваются с беспрецедентными угрозами безопасности со стороны Пекина, Москвы, Тегерана и Пхеньяна. Ввиду наращивания ядерных средств стратегического и тактического назначения Китаем, Россией и КНДР, а также неадекватности нынешних ядерных сил и сил общего назначения для сценария войны против двух равных противников нельзя исключать провала сдерживания и удара по американской территории. В интересах укрепления сдерживания США должны пересмотреть тезис о дестабилизирующем влиянии систем ПРО и отказаться от принципа «взаимной уязвимости».

История не подтверждает тезиса о том, что ПРО запускает гонку вооружений. Этого не произошло после выхода США из Договора по ПРО и нет признаков того, что Россия и Китай ускоряют развертывание стратегического оружия после объявления о создании системы «Золотой

купол». Если «стабильность» определяется как состояние, в котором ни одна из сторон не имеет стимула применить ядерное оружие первой, то ПРО соответствует критерию стабилизации. Если бы США не имели ПРО, то оппоненту достаточно было бы нанести ограниченный ядерный удар, чтобы принудить их к переговорному урегулированию (уступкам). При наличии эффективной ПРО, достижение желаемого эффекта наоборот потребует от оппонентов полномасштабного ядерного удара, повысив риск уничтожающего ответа, что в свою очередь может разубедить в необходимости вообще наносить удар.

Стабилизирующий эффект взаимной уязвимости также не очевиден. Согласно этой логике, чем больше оборонительных возможностей имеет одна сторона, тем вероятнее, что она нанесет первый удар. Работая в теории, этот принцип может дать сбой в условиях реальной ядерной трехполярности, тем более если две стороны объединятся против одной, имея таким образом ядерное превосходство. История показывает, что страна, обладающая превосходством в наступательных и оборонительных вооружениях, не обязательно стремится реализовать свое преимущество: США в период своей ядерной монополии не наносили ударов ни по СССР, ни по КНР. Кроме того, США должны помнить, что Россия и Китай не принимают западную концепцию взаимной уязвимости.

Модернизация сдерживания не может ограничиваться только наступательными вооружениями. Соединенным Штатам необходимо укреплять ядерный оружейный комплекс и потенциал стратегических ядерных сил, чтобы иметь гибкий выбор ядерных вариантов. Однако, чтобы по-настоящему укрепить сдерживание, потребуется расширение возможностей ПРО США, как в масштабе театра военных действий, так и на стратегическом уровне. Соответствующие инвестиции обойдутся дорого, но провал сдерживания обойдется гораздо дороже. При этом гонка вооружений

не является неизбежной реакцией оппонентов — они могут направить дефицитные ресурсы на другие направления.

США сталкиваются с реальностью двух блокирующихся оппонентов, которые наращивают свои ядерные потенциалы. В этих условиях опора на принцип взаимной уязвимости и отказ от развития ПРО не укрепляют, а подрывают сдерживание. Совершенствование и наращивание как наступательных, так и оборонительных стратегических систем должны убедить оппонентов в том, что ядерное принуждение или ограниченный ядерный удар против США или союзников не принесут желаемых эффектов. Развертывание ПРО «Золотой купол» является такой же насущной необходимостью, как и укрепление ядерных сил.

Источник: Strategic Stability in a Three-Nuclear-Peer World: Offensive Strike Options, Missile Defense, and Abandoning Mutual Vulnerability. Robert Peters. The Heritage Foundation. March 10, 2026

Ядерное сдерживание в меняющейся архитектуре Евро-атлантической безопасности

*Королевский объединенный институт оборонных исследований,
Великобритания*

Доклад посвящен роли ядерного сдерживания в евроатлантической архитектуре безопасности. Подчеркивается сохраняющаяся зависимость Европы от американского ядерного оружия. Рассмотрены способы повышения европейского потенциала сдерживания и проблемы управления рисками эскалации с Россией.

Ядерное сдерживание остается ключевым элементом евроатлантической архитектуры безопасности. Однако его эффективность находится под угрозой. Несмотря на значительное конвенциональное превосходство НАТО, некоторые параметры российской мощи внушают беспокойство, а именно широкий арсенал крылатых и баллистических ракет,

а также способность развертывать большое количество относительно недорогих БПЛА. Асимметрия возможностей с учетом возможного сокращения американского военного присутствия в Европе может побудить Москву к ограниченному наземному вторжению на европейскую территорию НАТО с сохранением эскалационного доминирования. Европейским странам следует пересмотреть свои конвенциональные и ядерные стратегии, чтобы укрепить сдерживание и усложнить принятие стратегических решений в Москве.

Первоочередная задача для европейцев — сохранить американскую вовлеченность, убеждая Вашингтон в сохранении российской угрозы и невозможности остаться в стороне от гипотетического конфликта. Франции и Великобритании следует рассмотреть варианты укрепления ядерного сотрудничества (разработки, доктрины, учения). Необходимо осуществлять интегрированное конвенциональное и ядерное планирование с активным вовлечением неядерных европейских держав в качестве вспомогательного участника. Лондону стоит рассмотреть создание субстратегического компонента ядерных сил, предпочтительнее — воздушного базирования. Великобритания может выступить координирующим звеном между Группой ядерного планирования НАТО и Францией. Координацию могут усилить двусторонние франко-германские и франко-польские форматы. Европе также необходимы собственные возможности в сфере «глубоких ударов», интегрированной ПВО/ПРО, противолодочной борьбы, разведки, связи и управления.

Параллельно с наращиванием военных возможностей требуется управлять рисками в коммуникации с Москвой. Перспектива заключения формальных соглашений по контролю над вооружениями маловероятна, но возможны шаги по устранению факторов непреднамеренной эскалации и минимизации недопонимания — налаживание линий связи (с Москвой и Минском) и контакты на «втором треке». Очень важно инвестировать в

понимание логики Москвы как по линии разведки, так и по линии экспертов. Российские сигналы все труднее выделить из «шума»: ядерные угрозы, изменения в доктрине, испытание передовых систем доставки дополняются непрерывными публичными дебатами о применении ядерного оружия — необходимо понять, кто и какое влияние оказывает на принятие решений, как они воспринимают угрозы и уязвимости и как это коммуницируют.

Дополнительно стабилизировать риски может установление общих принципов приемлемого поведения и некоторой степени прозрачности в рамках «ядерной пятерки» или в односторонних заявлениях и действиях. При этом любые уступки в этой сфере должны быть прагматичными: предложение президента Путина о дальнейшем взаимном соблюдении ДСНВ без каких-либо предложений о сохранении транспарентности (сентябрь 2025) едва ли приемлемы.

Ядерное оружие остается критически важным аспектом евроатлантической безопасности. Европейцы должны работать над сохранением американского расширенного сдерживания, одновременно инвестируя в свои конвенциональные и ядерные возможности. Неядерные европейские державы должны превратиться из потребителей в «поставщиков» сдерживания.

Источник: Nuclear Deterrence in Shifting Euro-Atlantic Security Architecture. Darya Dolzikova. RUSI. 29 January 2026

Осторожно, разрыв: оценка вариантов ядерного сдерживания для Европы

*Мюнхенская конференция по безопасности/Европейская группа
исследований ядерных проблем, Европа*

В докладе содержится обзор вариантов европейского ядерного сдерживания с учетом сомнений в надежности ядерных гарантий США. Подчеркнуты их сложности и ограничения. Констатируется, что

европейским политикам необходимо начать дискуссию о возможных путях укрепления ядерной безопасности Европы, но не допустить разрыва с Вашингтоном.

Российская военная кампания против Украины и переизбрание Д. Трампа ставят под сомнение европейскую опору на ядерные гарантии США. В этих условиях доступны различные варианты укрепления европейского ядерного сдерживания. Первый вариант — сохранить опору на расширенное ядерное сдерживание США, которое пока работает, но не гарантировано. Второй вариант — усилить ядерную роль Франции и Британии. Обе страны, хоть и готовы выступить «подстраховать» США, но не могут заменить их без колоссальных инвестиций. Третий вариант предполагает создание общеевропейского потенциала сдерживания на межправительственной или наднациональной основе. Но здесь возникает ряд политических, правовых и инфраструктурных проблем. Этот сценарий нереалистичен без крупного шока, вроде поражения Украины, войны России с НАТО или выхода США из Альянса. Другой вариант — создание неядерными европейскими странами (Германией, Польшей и др.) своего ядерного оружия. Он также потребует огромных экономических, политических и правовых издержек. К тому же он может подорвать основы евроинтеграции и мировой ядерный порядок, даже при условии, что США дадут добро на подобный шаг. Наконец, Европа может укрепить силы общего назначения, но это вовсе не гарантирует надежный потенциал сдерживания в конфликте с ядерным государством.

Хороших вариантов укрепления ядерного сдерживания в Европе не существует, придется выбирать меньшее из зол. В краткосрочной перспективе опора на ядерные силы США остается самым надежным сценарием. Но уже сейчас европейцы должны обсуждать каждый из вариантов. Самый опасный выбор — избегать этой дискуссии вообще. Ключевой вопрос: как сохранить участие США в европейском сдерживании, и одновременно разрабатывать

альтернативы, не создавая у американцев впечатления, что они больше не нужны Европе.

В условиях, когда европейцы уже не могут доверять ядерным гарантиям США, они должны определиться, как обеспечивать ядерное сдерживание своими силами. Оптимальных вариантов нет, и для продвижения на этом пути европейские правящие круги и общественность должны начать серьезные дискуссии по каждому из предложенных экспертами сценариев.

Источник: Mind the Deterrence Gap: Assessing Europe's Nuclear Options. Tobias Bunde, James W. Davis, Claudia Major, Janina Dill, Héloïse Fayet, Liviu Horovitz, Łukasz Kulesa, Andreas Lutsch, Michal Onderco, Jintro Pauly, Julian Wucherpfennig. Munich Security Conference/ European Nuclear Study Group. February 2026

Новые переменные проверяют мудрость и возможности контроля и управления ядерными рисками

Центр международной безопасности и стратегии

Университета Цинхуа, КНР

В публикации дается обзор ключевых трендов в сфере стратегической стабильности в 2025 г. и дается прогноз их развития в 2026 г. В материале не затронуты стратегия Пекина и перспективы диалога в треугольнике США–Россия–КНР.

В 2025 г. наблюдалось ослабление стратегической стабильности и снижение эффективности механизмов контроля над вооружениями. Прекращение действия договора СНВ-3 делает двусторонний контроль над вооружениями нежизнеспособным. Дальнейшие перспективы зависят от взаимного доверия в отношениях России и США. Особую тревогу вызывает намерение США создать систему ПРО «Золотой купол» — это подрывает фундамент стратегической стабильности и может привести к гонке вооружений. Международный консенсус о том, что ядерная война не может быть выиграна и поэтому никогда не должна быть развязана, находится под

угрозой исчезновения. Граница между ядерным и неядерным оружием становится все более размытой, что значительно увеличивает риски просчетов и эскалации.

Возрастает риск распространения ЯО в Северо-Восточной Азии и АТР, причем проблема нераспространения касается не только КНДР. Опросы общественного мнения в Южной Корее показывают пиковые уровни поддержки самостоятельной разработки ЯО или размещения тактического ЯО США на Корейском полуострове. Также вызывают беспокойство заявления японского правительства С. Такаити о том, что Япония должна обладать ЯО, что противоречит «трем неядерным принципам» Токио. Одновременно с этим США продолжают укреплять «ядерный зонтик» над Японией и Южной Кореей. Развивается сотрудничество США в создании атомных подводных лодок — с Южной Кореей, Великобританией и Австралией.

Нерешенной остается иранская ядерная проблема. Колебания в политике США и эскалация военной конфронтации значительно усложнили восстановление доверия, что еще больше препятствует долгосрочным усилиям по созданию региональной зоны, свободной от ЯО. Если иранская проблема останется нерешенной, то существует риск распространения ЯО среди других стран Ближнего Востока. По-прежнему сохраняются ядерные риски в отношениях между Индией и Пакистаном.

В 2026 г. стратегическая стабильность вступит в новую неопределенную фазу, сокращение ЯО может быть обращено вспять. США и Россия перестают придерживаться традиционных практик контроля над вооружениями и разоружения, отказываясь от прежних негласных договоренностей и консенсуса. Координация и сотрудничество между крупными державами по вопросам ЯО прекратятся. Поддержка стратегической стабильности, учитывая рост конкуренции между крупными державами с потенциалом распространения этих противоречий на ядерную сферу, так и множество региональных рисков, станет ключевой задачей международного сообщества.

Перспективы Обзорной конференции ДНЯО выглядят мрачными, и ее проведение в 2026 г. станет решающим этапом и проверкой авторитета, эффективности и универсальности Договора. Необходимо восстановить базовый консенсус между ядерными и неядерными государствами. Если же в ходе конференции не удастся добиться существенных результатов, доверие к договору будет подорвано. Государства, обладающие ядерным оружием, особенно Соединенные Штаты, должны подавать пример, не только соблюдая положения договора, но и поддерживая его дух. Международное сообщество должно призвать ведущие ядерные державы, особенно США и Россию, взять на себя ответственность и как можно скорее восстановить каналы диалога в сфере стратегической стабильности.

Источник: 新变量考验管控核风险智慧和能力 (Новые переменные проверяют мудрость и возможности контроля и управления ядерными рисками). 樊吉社. 清华大学战略与安全研究中心. 07.02.2026

Проверенный временем: почему ДВЗЯИ нужно сохранить

Европейская сеть лидеров, Великобритания/Европа

Доклад ELN является результатом обсуждения экспертов в рамках проекта по нераспространению. Материал посвящен кризису Договора о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний (ДВЗЯИ). В нем содержится призыв к международному сообществу, особенно государствам ЕС и НАТО, не допустить его деградации.

Заявление Д. Трампа о возможном возобновлении ядерных испытаний в США вызывает серьезные опасения по поводу новой гонки вооружений и подрыва глобального моратория на ядерные испытания, закрепленного в ДВЗЯИ. По Договору уже нанесен удар в виде отзыва ратификации Россией, продолжающихся испытаний КНДР, модернизации полигонов и безответственной риторики США. Сохранение ДВЗЯИ — стратегическая

необходимость, так как его ослабление нанесет удар по Договору о нераспространении ядерного оружия (ДНЯО), усилит недоверие между ядерными державами и может спровоцировать новую гонку вооружений.

Странам ЕС и НАТО необходимо выработать единую и решительную позицию: любое возобновление ядерных испытаний любым государством должно получать согласованный жесткий ответ. В диалоге с американскими партнерами на всех уровнях Европе следует последовательно подчеркивать стратегическую ценность ДВЗЯИ для международной безопасности, а также гуманитарные и экологические последствия испытаний, одновременно указывая на то, что сами США окажутся в стратегическом проигрыше в случае разрушения режима запрета испытаний.

Европейским лидерам НАТО важно добиться того, чтобы в ходе политических и стратегических дискуссий США отказались от шагов, подрывающих глобальный режим нераспространения.

Источник: Tried and tested: Why the CTBT must be preserved. European Leadership Network. December 2025

Эволюция американской внешнеполитической стратегии

Хищный гегемон. Как Трамп использует американскую мощь

Foreign Affairs, США

В материале предпринята попытка концептуализировать внешнеполитическую стратегию действующей администрации Д. Трампа. Подчеркиваются слабые места и вероятные перспективы нынешнего курса США.

Внешнеполитическая стратегия Д. Трампа на втором сроке может быть охарактеризована как «хищническая гегемония». Ее главная цель — использовать привилегированное положение Вашингтона для того, чтобы выбить уступки и демонстрации покорности от контрагентов вне зависимости от того, кем они являются: союзниками или оппонентами. В долгосрочной перспективе она чревата проигрышем.

«Хищническая гегемония» представляет собой значительное отступление от привычного для США *modus operandi* даже в период однополярности, когда американские лидеры были высокомерно убеждены в правоте своей международной политики и не встречали серьезного отпора других держав. Если раньше американские чиновники, высказывая претензии на лидерство, прислушивались к своим партнерам и не стремились их эксплуатировать, то теперь речь идет о преследовании максимально возможных краткосрочных выгод в мире, где любое взаимодействие рассматривается как игра с нулевой суммой. В отличие от типичной великой

державы, гегемон-хищник считает равномерное распределение выгод своим проигрышем. Отсюда — низкая ценность любых существующих соглашений, не предполагающих асимметричной выгоды США.

Такая установка является прямым отражением транзакционного подхода Трампа ко всем отношениям и его убежденности в том, что США обладают огромным рычагом воздействия практически на любую страну. Во время первого срока эти импульсы сдерживались опытными советниками президента, а во время второго этот тормоз исчез благодаря кадровой политике, основанной на оценке личной преданности Трампу. Публичные угрозы и требования, полная непредсказуемость (предметом торга «по Трампу» может быть любой вопрос), демонстративное унижение более слабых партнеров — внешние проявления «хищнического гегемонизма». Более того, Трамп использует привилегированное международное положение США для получения выгод лично для себя и своей семьи, как ни один другой президент в американской истории.

Исторические прецеденты свидетельствуют, что «хищническая гегемония» обречена на провал: она ослабляет американские союзы и сети влияния (основу международной мощи США), повышает привлекательность других великих держав, помогая им позиционировать себя как ответственных мировых игроков (Китай) и не способствует повышению благосостояния Соединенных Штатов. Многочисленные сделки и обещания партнеров (Южной Кореи, Японии и других) инвестировать большие средства в американскую экономику могут так и не быть реализованными. Большинство конфликтов, которые Трамп, по собственным словам, закончил, все еще продолжаются. Кроме того, стратегия Трампа совсем не работает в случае с другими великими державами. Терпение союзников также имеет пределы. Некоторые государства будут работать над снижением своей зависимости от Вашингтона, другие заключат новые соглашения с его соперниками, а многие будут жаждать момента, когда у них появится возможность отомстить за

унижение. Внутривполитическое позиционирование «анти-Трампа» может сузить политикам электоральный успех (Канада).

Стратегия «хищнической гегемонии» не является продуманным ответом на возвращение многополярности. Это совершенно неадекватный способ поведения в мире соперничающих великих держав. Если он будет определять действия Вашингтона в обозримом будущем, то это ослабит как США, так и их союзников, снизив безопасность и благосостояние американцев.

Источник: The Predatory Hegemon. How Trump Wields American Power. Stephen M. Walt. Foreign Affairs. March/April 2026

Индекс военной силы США 2026

Фонд «Наследие», США

В 11-м по счету обширном докладе консервативных американских экспертов дана оценка ландшафта военных рисков и угроз, а также состояния всех видов вооруженных сил США. Констатируется их неадекватность политической установке Д. Трампа «мир через силу». Вывод авторов — необходимо значительно нарастить расходы на оборону.

Существует значительный риск того, что вооруженные силы США окажутся неспособны защитить жизненно важные интересы Америки. Десятилетия недофинансирования, затяжные миссии за рубежом, непоследовательные реформы и слабая дисциплина в реализации программ мешают эффективно реагировать на широкий спектр угроз. Сегодня США не готовы к сценариям одновременного участия в двух крупных региональных конфликтах.

Глобальная военная среда по-прежнему позволяет Соединенным Штатам проецировать военную мощь в любой точке мира, однако ее состояние постепенно деградирует ввиду роста активности КНР. С точки зрения рисков и угроз наиболее сложная обстановка складывается в Азии. В Западном полушарии, Африке и на Ближнем Востоке складывается умеренная ситуация,

хотя стабильность союзнических отношений и устойчивость американской военной инфраструктуры остаются под вопросом. Европа является наиболее благоприятным регионом — союзники наращивают свою обороноспособность, а Россия значительно ослабила конвенциональный потенциал в украинской кампании.

Наиболее сложную и масштабную угрозу представляет собой Китай. Модернизация и наращивание вооруженных сил, особенно в ядерной и других высокотехнологичных сферах позволяют Китаю быстро сокращать разрыв от США. Остальные крупные державы — Россия, Иран, КНДР — угрожают сугубо региональным интересам США, имея ограниченные возможности.

Межпартийный консенсус о двух ключевых угрозах — Китае (главная) и России (второстепенная) — заставляет оценивать вооруженные силы США с точки зрения способности побеждать одновременно в нескольких конфликтах в разных регионах. Военная мощь США в целом может быть оценена на «удовлетворительно»: позитивные оценки (с оговорками) имеют лишь Корпус морской пехоты, ядерные силы и противоракетная оборона. Однако конвенциональный потенциал США по широкому спектру видов вооруженных сил: Армия, ВМС, ВВС, Береговая охрана и Космические силы могут быть оценены лишь в диапазоне от «слабо» до «удовлетворительно». Основные проблемы: дефицит кадров и недостаточный уровень боевой подготовки, опережающее устаревание материальной базы, дефицит логистических мощностей. Армия США укомплектована менее, чем на две трети для рассматриваемых сценариев применения, а боевой состав авиации и флота сокращается.

Оптимальным видится следующий состав вооруженных сил (без учета резерва и Нацгвардии): Армия — 50 бригад, ВМС — 400 кораблей и 624 ударных самолета, ВВС — 1200 ударных самолетов, Корпус морской пехоты — 30 батальонов. Нынешнего оборонного бюджета недостаточно для обеспечения таких потребностей. «Большой прекрасный закон» (One Big

Beautiful Bill Act) и призыв Д. Трампа выделять на оборону 1,5 трлн долл. (на 500 млрд долл. больше существующего бюджета) — шаги в правильном направлении, но потребуются сделать значительно больше.

Вооруженные силы США страдают от многолетнего недофинансирования и отсутствия последовательной программы модернизации. Сегодня они, в основном, не готовы реализовывать установку «мир через силу», а именно одновременно одерживать верх в двух крупных региональных конфликтах. Необходимо значительно нарастить инвестиции в оборону. Как сказал президент Рональд Рейган в своем обращении к нации в марте 1983 г.: *«Мы поддерживаем мир благодаря нашей силе; слабость же лишь провоцирует агрессию».*

Источник: 2026 INDEX OF U.S. MILITARY STRENGTH. Edited by Robert Peters, Daniel R. Green, and Wilson Beaver. The Heritage Foundation. March 2026

Как Китай расшифровывает новую Стратегию национальной безопасности США

Центр международной безопасности и стратегии

Университета Цинхуа, КНР

Внешиеполитическая стратегия США смещается от либерального интернационализма к консервативному национализму, а опубликованная в 2025 г. СНБ отражает акцент администрации Д.Трампа на внутренние дела и вопросы экономики. Стратегия обозначает более осторожный подход к альянсам, ослабление ценностной составляющей во внешней политике, ориентацию на результат.

Новая СНБ не означает, что США отказываются от конкуренции в мировой политике. Скорее, они переосмысляют приоритеты и организационные формы конкуренции, сталкиваясь с ростом внутренних ограничений. Внешняя политика США видится в качестве инструмента по

укреплению экономической безопасности и промышленной устойчивости. В связи с этим, легитимность курса Вашингтона больше не основывается на ценностных нарративах, а зависит от его способностей реагировать на ожидания избирателей и справляться с экономическими проблемами.

Другой аспект СНБ — переоценка издержек и выгод от обязательств США перед Европой, что потенциально может ослабить стабильность трансатлантической координации в средне- и долгосрочной перспективе.

Акценты в заявлениях относительно Китая и России смещаются. В отношении Китая смягчается идеологическая компонента, подчеркивается конкуренция в экономике и технологиях. Примечательно, что Китай напрямую не обозначается как «стратегический конкурент». Впрочем, конкуренция с КНР в сфере технологий, торговли, формировании глобальных цепочек добавленной стоимости остается ключевым элементом американской стратегии.

Смещение стратегического фокуса на Западное полушарие не ослабляет американское давление на КНР. США не уходят из Индо-Тихоокеанского региона, а только изменяют подходы во взаимодействии с союзниками, призывая Японию, Южную Корею и Австралию увеличивать военный потенциал за свой счет. СНБ 2025 г. по-прежнему подчеркивает важность «первой цепи островов», выделяя стратегическое положение Тайваня.

Хотя США и не стремятся к конфронтации с Китаем в Западном полушарии, скорее всего, Вашингтон будет увеличивать политические издержки от взаимодействия со странами региона для Китая путем усиления надзора, нормотворчества и продвижения соответствующих нарративов. Это позволит Вашингтону интерпретировать экономическую деятельность КНР в регионе как конкурентное поведение и риск экономическим интересам США, что сузит пространство возможностей для стран Латинской Америки.

Смещение фокуса США на Западное полушарие не означает ослабление давления, с которым сталкивается Китай. Америко-китайское

соперничество, в основном сконцентрированное на Индо-Тихоокеанском регионе, может распространиться за его пределы. США не собираются отказываться от системы союзов в ИТР. Вместе с тем, не стоит переоценивать нормативную силу новой СНБ: ее ограничивают особый стиль принятия решений Д. Трампа и сохраняющиеся внутренние противоречия относительно приоритетов Вашингтона во внешней политике.

Источник: How China reads the 2025 US National Security Strategy (Как Китай расшифровывает Стратегию национальной безопасности США 2025 г.). 孙成昊. 清华大学战略与安全研究中心. 14.01.2026

Политика США в отношении Тайваня. Не только Трамп: расклад сил американских стейкхолдеров в американо- тайваньских отношениях

Французский институт международных отношений, Франция

В докладе рассмотрены позиции и интересы государственных учреждений, политических партий и промышленных кругов США в отношениях с Тайванем. Констатируется стратегическая двусмысленность политики США в отношении острова, что может способствовать сближению Тайбэя с европейскими державами.

Несмотря на неопределенность позиции Д. Трампа по поводу реакции США на гипотетическую эскалацию Тайваньского кризиса, политика Вашингтона на этом направлении формируется целой сетью стейкхолдеров. Правительственные учреждения (госдепартамент и СНБ, Американский институт на Тайване, Министерство обороны США) выполняют свои обязательства по обеспечению безопасности Тайваня. Конгресс США, исходя из двухпартийного консенсуса регулярно принимает законы, призванные способствовать углублению сотрудничества с островом.

С возвращением Трампа в Белый дом давление на Тайвань возросло, и последний обязался усилить инвестиции в США. Конкурентоспособность американских технологических компаний все больше зависит от стабильности и эффективности промышленной экосистемы Тайваня, а масштабы корпоративных инвестиций США в Тайвань создают сильные стимулы для Вашингтона поддерживать региональную стабильность и оказывать Тайваню помощь. В свою очередь, тайваньская полупроводниковая промышленность серьезно зависит от устойчивого спроса, инвестиций и технологического партнерства со Штатами.

Неопределенность политики Трампа, скорее восстанавливает стратегическую двусмысленность в треугольнике США-Китай-Тайвань, чем свидетельствует об отказе США от Тайваня. В этих условиях Тайбэй все активнее стремится диверсифицировать глобальные партнерства в различных областях, в том числе с государствами-членами ЕС. Фактически, Тайвань и ЕС сталкиваются с общими проблемами в плане зависимости от США в сфере экономики и безопасности и стремятся к диверсификации связей. Европейская поддержка «стратегической автономии» находит отклик на Тайване.

Несмотря на неопределенность позиции Д. Трампа по Тайваньскому кризису, США скорее ведут себя двусмысленно, чем отказываются от стратегически важной для них поддержки Тайваня. В то же время Тайбэй стремится диверсифицировать свои внешнеполитические партнерства, в том числе с государствами-членами ЕС.

Источник: La politique américaine envers Taïwan, au delà de Donald Trump: cartographie des acteurs américains des relations entre les États-Unis et Taiwan. Marc JULIENNE, Peter CHU. IFRI. 17.02.2026

Трансатлантические отношения и «стратегическая автономия» Европы

Северные связи: европейская Арктика к 2035 году

Центр стратегических и международных исследований, США/Германия

В сборнике статей представлен противоречивый взгляд европейских экспертов на стратегию ЕС в Арктике и перспективы Гренландии. Дана оценка состоянию в сфере безопасности в свете возросшей военной активности в регионе.

Арктика больше не периферия, а важный регион геополитической конкуренции, который будет формировать стратегическое будущее Европы. Учитывая взаимосвязанность европейской Арктики и Балтийского моря, Арктика должна стать критически важным компонентом общей стратегии безопасности. В интересах ЕС сформировать стратегический альянс в Арктике/Северной Атлантике с участием единомышленников: Великобритании, Исландии, Канады, Норвегии. Такой альянс позволит позиционировать ЕС как независимый полюс (великую державу), сопротивляться любому внешнему вмешательству, а также углубить интеграционные процессы. Почему бы не пригласить в ЕС партнеров по арктическому партнерству, включая Гренландию, Фарерские острова и даже Шотландию? Разумеется, партнерство должно быть открыто для США, но с учетом европейских интересов. Европейский союз имеет все возможности для того, чтобы играть более активную роль, опираясь на свои финансовые возможности, компетенции в сфере экологического регулирования, экономической политики, морского управления и научных исследований.

Напряженность между Европой и США из-за Гренландии ставит вопрос о перспективах трансатлантического партнерства. Штаты вряд ли пойдут на военные меры. Наиболее вероятный сценарий — это де-факто аннексия Гренландии с помощью широкого спектра экономических действий: строительства логистики и логистики подводной кабельной инфраструктуры, военно-стратегических инвестиций, технологической поддержки и освоения ресурсов.

Динамика безопасности в европейской Арктике, а именно рост частоты и масштабов военных учений, пока не свидетельствуют о милитаризации региона. Представляется, что как страны НАТО, так и Россия используют демонстрацию своих военных возможностей, чтобы усилить сигналы о стабильности и предсказуемости, стремясь избежать недопонимания и просчетов. НАТО стремится укреплять сдерживание, а Россия заинтересована в сохранении статус-кво, будучи сфокусированной на гражданском освоении — развитии Северного морского пути и наращивании добычи нефти и газа. Военная активность России в регионе с 2022 г. либо стабилизировалась, либо снизилась. Присутствие Китая остается ограниченным, его взаимодействие с Россией сдерживается структурными факторами двусторонних отношений.

В перспективе военная активность в европейской Арктике может возрасти, не переходя в неконтролируемую милитаризацию. Всем сторонам важно правильно выстраивать стратегическую коммуникацию, чтобы их сигналы правильно считывались адресатами. Союзникам по НАТО необходимо укреплять потенциал реагирования на нетрадиционные угрозы инфраструктуре, избегать публичных разногласий и сохранять сотрудничество с США.

Европейский союз должен сделать Арктику одним из приоритетов своей стратегии безопасности, вовлекая в нее единомышленников на европейском Севере, а также США с учетом своих интересов. Несмотря на отсутствие отчетливых признаков милитаризации региона, Арктика

становится эпицентром конкуренции крупных игроков — США, России, Китая. Всем заинтересованным сторонам необходимо выстраивать сигналы друг другу так, чтобы не допустить неконтролируемой милитаризации.

Источник: Northern Connections: The European Arctic by 2035. Report by Max Bergmann, Otto Svendsen, Andreas Raspotnik, Robert Habeck, Elizabeth Buchanan, and Gabriella Gricius. Center for Strategic and International Studies (CSIS). February 10, 2026

Почему европейцы должны сохранить стабильное военное присутствие в Гренландии?

Институт международных и стратегических отношений, Франция

В статье рассмотрена дилемма, стоящая перед Европой в свете событий вокруг Гренландии: отвергая территориальные претензии Д. Трампа, европейцы по сути мало что могут им противопоставить.

Заявления Д. Трампа о возможном присоединении Гренландии к США силовым путем снова обозначили для европейцев проблему разрыва между текущими возможностями и заявленными амбициями в своей «стратегической автономии».

На фоне расширения доступа к Арктике, технологического прогресса и роста соперничества между державами становится очевидно, что Дания вряд ли может самостоятельно гарантировать контроль над Гренландией. США претендуют на единоличный контроль над островом, сохраняя критическую позицию в отношении НАТО.

Оптимальным решением видится совместное размещение на острове американских и европейских контингентов. Несмотря на гротеск ситуации, это позволит европейцам показать миру, и прежде всего самим себе, что они готовы сказать «нет» амбициям Трампа и соблюсти свои интересы. Такое развертывание позволит Европе подтвердить свои амбиции с точки зрения «стратегической автономии» и обеспечить безопасность Гренландии.

Источник: Pourquoi les Européens doivent maintenir une présence militaire stable au Groenland.
Santopinto F. IRIS. 21.01.2026

**Вместе, порознь или против:
переосмысление европейского отношения к США**

Фонд «Наука и политика», Германия

В докладе изучаются различные виды позиционирования Европы в отношениях с Соединенными Штатами. Констатирована невозможность поддерживать прежний формат трансатлантических отношений при сохранении значительной односторонней зависимости Европы от Соединенных Штатов.

Для ЕС и Германии наступила новая эпоха в трансатлантических отношениях. Трансатлантическое сообщество как сообщество ценностей распалось. США трансформируются в систему «конкурентного авторитаризма». Во внешней политике благосклонная гегемония США ушла в прошлое, ей на смену пришли демонстративная дискредитация международных организаций, угрозы применения силы даже в отношении союзников и нарушения принципов международного права. Европа больше не сможет вернуться к устойчивому партнерству с Соединенными Штатами вне зависимости от того, кто находится в Белом доме.

Европа может влиять на будущее трансатлантических отношений, но для этого ей следует определиться со своей позицией в отношении США в зависимости от сферы взаимодействия. В сфере обороны и безопасности (наиболее болезненном для Европы) немедленный разрыв невозможен — необходимо сотрудничать с Вашингтоном и идти на компромиссы до тех пор, пока США готовы к этому и пока это нормативно приемлемо для европейцев. По некоторым вопросам глобального управления Европа должна действовать самостоятельно, исходя из собственных интересов, в частности в сфере

международной торговли, защиты окружающей среды и помощи развитию. Компромиссы с США невозможны, если речь идет о защите суверенитета и либеральных ценностей.

В среднесрочной перспективе Европа будет находиться в более слабой переговорной позиции — и ей нужно быть готовой к уступкам. Однако это не должно мешать планомерному курсу на сокращение или устранение односторонней зависимости от США. Наилучшим сценарием была бы последовательная европеизация НАТО через увеличение европейского оборонного вклада и присутствия в командно-штабных структурах Альянса. Европейцам потребуется укрепить коллективное политическое лидерство, например, с помощью форматов «Е3/Е5» или «Веймар плюс» (Франция, Великобритания и Германия с ad hoc привлечением Италии и Польши). В сфере энергетики и высоких технологий европейская зависимость также сильна, но она поддается балансировке через переход к декарбонизированной экономике, а также диверсификации внешнеторговых связей за счет Китая, Индии и Японии. На китайском направлении европейская политика не должна зависеть от Вашингтона.

Европа больше не может опереться на американское лидерство. Возврат к прежним правилам игры в трансатлантических отношениях невозможен. Непредсказуемость и агрессивность администрации Д. Трампа представляет собой серьезный вызов для внешнеполитических и оборонных интересов ЕС и Германии. В кратко- и среднесрочной перспективе Европа останется крайне зависимой от Вашингтона в сфере обороны, энергетики и технологий и должна быть готовой к компромиссам. Однако стратегическим лейтмотивом европейской политики должна стать эмансипация от США

Источник: Mit, ohne, gegen Washington: Die Neubestimmung der Beziehungen Europas zu den USA. Barbara Lippert, Stefan Mair (Hg.). SWP. 22.01.2026

Как Трамп делает Китай «снова великим» и что это значит для Европы

*Европейский совет по международным отношениям,
Великобритания/Европа*

Материал основывается на опросе 25 тыс. респондентов и посвящен перспективам и рискам для Европы в «постзападном мире».

Политика Трампа невольно усиливает глобальное влияние Китая, формируя многополярный мир. Агрессивный подход американской администрации разрушает либеральный порядок и западные альянсы — снижается как доверие союзников, так и страх противников США. Одновременно технологический и производственный рост Китая (лидерство в электромобилях и возобновляемых источниках энергии) укрепляет его позиции.

Европейцы выделяются как главные пессимисты в мире: они все больше сомневаются в способности ЕС вести равный диалог с США и Китаем, а также опасаются российской агрессии, ядерных угроз и большой войны на континенте. Россия теперь воспринимает ЕС как главного врага — гораздо больше, чем США, — в то время как украинцы все чаще обращаются за поддержкой к Брюсселю, а не к Вашингтону. Китай видит в ЕС самостоятельного партнера, а не придаток Америки. Трансатлантическая связь рушится, что сопровождается высоким уровнем поддержки роста оборонных расходов, возврата к обязательной военной службе и даже созданию потенциала европейского ядерного сдерживания.

Для того, чтобы Европа стала самостоятельным полюсом, лидеры ЕС должны честно признать постзападный мир. Новыми приоритетами Европы должны стать обеспечение безопасности Украины, координация политики в противовес России, Китаю и США, а также инвестиции в военную,

экономическую, культурную мощь. Европе необходимо рассмотреть идею поддержки «нового Запада» на основе своего партнерства с Австралией, Канадой и Японией.

Источник: How Trump is making China great again and what it means for Europe. Timothy Garton Ash, Ivan Krastev, Mark Leonard. European Council on Foreign Relations. 15 January 2026

Письмо из Мюнхена: трансатлантические отговорки

Институт Монтеня, Франция

В статье сравниваются реакции европейцев на речи представителей администрации США в Мюнхене в 2025 и 2026 гг. Проблема сочетания трансатлантического единства, «стратегической автономии» ЕС и ценностей Д. Трампа остается неразрешимым противоречием. Наиболее сложные вопросы касаются выработки позиций союзников в украинском конфликте

Восторженность европейцев после речи госсекретаря США М. Рубио в Мюнхене-2026 контрастировала с удрученным молчанием, последовавшим за антиевропейской тирадой вице-президента Дж. Д. Вэнса годом ранее. Но, по сути, оба выступления мало чем отличаются. США по-прежнему настаивают на трансатлантическом союзе, основанном на реакционных политических установках Трампа. Примечательно, что та же аудитория тепло приветствовала речи Ф. Мерца и Э. Макрона в поддержку более автономной Европы. Этот диссонанс можно объяснить двояко: либо европейцы подверглись искушению «счастливым вассалитетом», когда от США требуется «вежливое лидерство», либо они приняли необратимость стратегического дистанцирования от США, но речь М. Рубио дает им надежду на передышку в этом процессе.

Мюнхенская конференция 2026 также напомнила, что сокращение конвенционального военного присутствия США в Европе поднимает

проблему согласования между американским расширенным ядерным сдерживанием и оборонной политикой Европы. Значительная часть европейской аудитории в Мюнхене хочет верить, что расхождение во взглядах с США по ценностям не обязательно означает конец трансатлантического оборонного сотрудничества. Однако без ответов остаются вопросы о перспективах урегулирования украинского конфликта: как долго Европа сможет поддерживать Украину без США и какие формулы понадобятся для обеспечения прочного мира с Россией?

Мюнхенская конференция-2026 заставила европейских лидеров снова затронуть сложную задачу сохранения трансатлантического единства, ценностного расхождения с Д. Трампом и проблем построения «стратегической автономии» ЕС. Ответов по поводу перспектив поддержки Украины и выстраивания отношений с Россией по-прежнему не найдено.

Источник: Lettre de Munich - Les faux semblants transatlantiques. Michel Duclos. Institut Montaigne. 16.02.2026

Технологическое партнерство США и Великобритании

Польский институт международных отношений, Польша

Американо-британские соглашения 2025 г. Economic Prosperity Deal (EPD) и Technology Prosperity Deal (TPD) обновили торгово-инвестиционную основу двусторонних отношений. Они сфокусированы на формировании общих стандартов в ИИ, квантовых технологиях и ядерной энергетике и встроены в стратегию США по «отрыву» ключевых партнеров от Китая.

EPD закрепляет асимметричное снижение тарифов (ниже для США, выше для британского экспорта), взаимное признание стандартов, приоритет для автомобильного и авиационного секторов и ограничения на реэкспорт товаров китайского происхождения. С точки зрения Вашингтона, сделка демонстрирует эффективность тарифного давления и укрепляет американскую промышленную базу, а Лондон использует ее для смягчения

потерь после выхода из ЕС и закрепления роли США как ключевого внешнего технологического и торгового партнера.

TPD задает рамки сотрудничества в области ИИ, квантовых технологиях, ядерной энергетике, кибербезопасности и цепочках поставок, предполагая координацию контроля инвестиций, развитие кластеров инноваций и глубокую связку ВПК и высоких технологий. Важная часть — крупный пакет американских инвестиций в британские центры данных и оборонно-технологические проекты, включая контракты Palantir, что должно поддержать амбиции Лондона стать к 2030 г. научно-технологической супердержавой.

Американо-британский технологический блок усиливается, создавая конкурентное давление на ЕС. Однако это не исключает новых возможностей для трехсторонней инновационной кооперации в обороне, энергетике и киберсфере. Евросоюзу необходимо не противостоять, а встраиваться в формируемые цепочки стоимости и регуляторные рамки, минимизируя риск маргинализации в глобальной технологической конкуренции.

Источник: Partnerstwo technologiczne między Stanami Zjednoczonymi a Wielka Brytania. Przemysław Biskup, Paweł Markiewicz. Polski Instytut Spraw Międzynarodowych (PISM), 12.12.2025

Державы среднего уровня: уроки для внешней политики

Германии и Соединенного Королевства

Фонд Фридриха Эберта, Германия/Великобритания

Доклад посвящен изучению опыта и стратегии держав среднего уровня («средних держав») в мировой политике. Даны рекомендации для нового позиционирования Великобритании и Германии.

В 2025 г. под влиянием администрации Д.Трампа наметился резкий отход от многостороннего международного сотрудничества в сторону транзакционного взаимодействия и политики силы. Великобритании и

Германии потребуется по-новому отстаивать свои интересы во фрагментирующемся мире — таким выходом может быть опора на сотрудничество держав среднего уровня («средних держав»).

«Средние державы» — это страны, обладающие значительной мощностью и ресурсами, но не способные в одиночку влиять на глобальные процессы. Типичными державами среднего уровня являются Бразилия, Индонезия, Катар, Мексика, Саудовская Аравия, Турция, Франция, ЮАР, Южная Корея. Они компенсируют свои ограничения с помощью ситуативных коалиций, многосторонних институтов, сочетания «жесткой» и «мягкой» силы. «Средние державы» проводят прагматичную политику без жесткой привязки к военным или идеологическим блокам. Турция одновременно участвует в НАТО и китайской инициативе «Пояс и Путь», а Бразилия выстраивает партнерство как со странами БРИКС, так и с Западом. Франция и Саудовская Аравия сотрудничают, несмотря на разные подходы к правам человека. Они могут играть и роль координаторов в коалициях и многосторонних институтах, когда речь идет о вопросах торговли и климата, но при этом не стремятся к грандиозным реформам. «Средние державы» являются лидерами в отдельных политических и экономических нишах как посредники и обладатели технологических ноу-хау.

Великобритании и Германии следует позиционировать себя как развитые «средние державы» и сотрудничать с другими такими же игроками. Приоритетом должно стать прагматичное и терпеливое взаимодействие даже со странами, которые придерживаются других политических ценностей и мировоззрения при сохранении собственных базовых принципов. Целесообразно собирать малые коалиции по интересам (климат, торговля, технологии) и не полагаться исключительно на традиционные западные форумы. При этом Лондон и Берлин должны восстановить свою репутацию надежных партнеров, выполняя обязательства по климату, международной помощи и обороне.

Потенциал «средних держав» может помочь Великобритании и Германии заполнить вакуум лидерства в Европе (вернуться к модели Западноевропейского союза в рамках НАТО), на украинском направлении (через более активную поддержку Украины в части замороженных российских активов и по гарантиям безопасности), а также на Балканах — через содействие интеграции Боснии и Герцеговины и Косово в НАТО. Обе страны заинтересованы в том, чтобы США и Китай не установили монополию на технологии будущего. Берлин и Лондон могут сформировать альтернативные предложения и для Глобального Юга, противодействуя деструктивному влиянию России и КНР. Важно выстраивать отношения с единомышленниками в БРИКС с учетом усиления противоречий между Россией и Китаем с одной стороны и Индией и ЮАР — с другой.

Великобритания и Германия располагают значительными активами в виде экономической мощи, дипломатического влияния и отдельных элементов «жесткой силы». Позиционируя себя как «средние державы» и взаимодействуя с другими державами среднего уровня они могут сыграть ведущую роль в формировании глобального молчаливого большинства, способного сообща обновить международный порядок.

Источник: Middle power moves: foreign policy lessons for the United Kingdom and Germany. Horton, Ben; Pula, Reg. Friedrich-Ebert-Stiftung. Büro (London). February 2026

На переломе: «средние державы» и строительство нового порядка

Европейский совет по международным отношениям

В материале даны рекомендации по адаптации Европы к новому международному порядку с опорой на идею сотрудничества между державами среднего уровня («средних держав»)

Средние и растущие державы (Бразилия, Индия, Индонезия, Турция, страны Персидского залива и др.) в условиях международного беспорядка развивают более гибкие форматы сотрудничества, направленные на расширение автономии и влияния в обход традиционных западных институтов. Они создают альтернативные платформы, такие как *BRICS+* и ШОС, и выступают посредниками в сложнейших конфликтах, используя свою нейтральность и неформальную дипломатию.

Европе необходимо отказаться от роли хранителя умирающего порядка и вместо этого принять реальность многовекторного курса, строя прагматичные коалиции с растущими и средними державами и не требуя от них лояльности Западу. Важно ускорить реализацию инфраструктурных проектов (например, *Global Gateway*), сделав их более гибкими и отзывчивыми к потребностям партнеров, а в сфере развития — перейти к инвестиционному партнерству, поддерживая суверенитет стран глобального Юга (например, инициатива *Accra Reset*). Ключевой принцип — фокусироваться на конкретных взаимовыгодных результатах (безопасность, торговля, климат), а не на попытках выстроить новую глобальную систему.

Старый либеральный порядок стремительно разрушается из-за отказа США от роли гаранта и перехода к политике силы, в то время как Китай и Россия продвигают альтернативные модели, набирающие популярность на глобальном Юге. Главный риск для Европы — маргинализация и превращение в пассивного игрока или «пешку» в соперничестве великих держав, если она продолжит цепляться за устаревшие институты. Желательной формой адаптации Европы является выстраивание прагматичного партнерства с державами среднего уровня.

Источник: After the rupture: Middle powers and the construction of new order. Anthony Dworkin. Rafael Loss. Jana Puglierin. ECFR. 12 February 2026

Изменения во французской стратегии безопасности после февраля 2022 года

Центр восточных исследований, Польша

Со времен окончания Холодной войны французская политика безопасности претерпела значительную эволюцию. Конфликт на Украине заметно стимулировал этот процесс.

После 1990-х гг. Франция постепенно отказалась от классического конвенционального сдерживания и сценариев крупной войны в Европе в пользу операций на Балканах, Ближнем Востоке и в Африке. Вооруженные силы были реформированы в профессиональную экспедиционную армию, сохранив опору на ядерное оружие для защиты французской территории. До 2022 г. приоритетом оставалась борьба с терроризмом и стабилизация «пояса кризисов», обсуждалась идея общеевропейской архитектуры безопасности с участием России, а также реформы НАТО с целью ослабить ее оборонный компонент.

Эскалация украинского конфликта привела к ускоренному пересмотру французской позиции: программные документы в сфере обороны 2022 и 2025 гг. фиксируют радикальное ухудшение среды безопасности, возврат ядерных угроз и риск войны между Россией и НАТО в ближайшей перспективе. При этом НАТО стала рассматриваться в качестве ключевой опоры обороны. Приоритетом видится усиление европейской составляющей Альянса. Париж добивается более амбициозной роли в НАТО и на восточном фланге. Впрочем, модернизируя вооруженные силы, Франция сохраняет их экспедиционный профиль и не планирует массивного наращивания армии под сценарий крупномасштабной сухопутной кампании.

Важно подчеркнуть, что внутривосточная фрагментация, слабая поддержка президента Э. Макрона и рост шансов евроскептических и

критически настроенных к НАТО сил ставят под вопрос устойчивость курса на наращивание оборонного бюджета.

Франция переходит к более «военному» мышлению, формально выдвинув коллективную оборону и НАТО в центр своей стратегии, однако сохраняет специфическую комбинацию глобальных амбиций, ядерного сдерживания и инерции в пересмотре структуры вооруженных сил. Параметры оборонной траектории Франции будут зависеть от исхода украинского конфликта, масштабов сокращения американского присутствия в Европе и результатов президентских выборов 2027 г. Последние покажут, станет ли Париж драйвером «европейского столпа» НАТО или вернется к более амбивалентному курсу в отношении Альянса и России.

Источник: Na wojennej stopie. Zmiany we francuskiej strategii bezpieczeństwa po rosyjskiej agresji na Ukrainie. Lukasz Maslanka. Jacek Tarociński. Ośrodek Studiów Wschodnich. 14.01.2026

Россия и постсоветское пространство

Следующая европейская война.

Риск конфликта между Россией и НАТО возрастает

Foreign Affairs, США

В материале рассматриваются возможные сценарии будущего конфликта между Россией и Западом вне зависимости от результатов украинского конфликта. Авторы дают рамочные рекомендации в интересах предотвращения гипотетического столкновения.

Урегулирование конфликта на Украине, каковы бы ни были его параметры, может ознаменовать начало еще более опасной эпохи: Россия и Украина все еще будут находиться в состоянии интенсивной конфронтации, милитаризация Европы продолжится, США не смогут выйти из Европы, а в отношениях Россия-НАТО сохранятся укорененные подозрения в наличии наихудших намерений. Риск прямого конфликта между Россией и западными государствами останется неприемлемо высоким. В стратегических документах и выступлениях лидеров по обе стороны зеркально воспроизводится тезис о пути к войне на горизонте 4-5 лет.

Существуют вполне правдоподобные сценарии, при которых Россия и НАТО могут начать войну, будучи не в состоянии адекватно интерпретировать мотивы и действия друг друга. Вот один из них: европейцы решают жестче отреагировать на российские операции в серой зоне. Это приводит к цепочке эскалирующих действий: кибератакам, призыву резервистов, повышению уровня боевой готовности, подтягиванию сил к приграничным районам. Американцы вынуждены наращивать свое присутствие в Европе, включая дальнобойные ракетные системы. Россия

осуществляет превентивный удар, чтобы компенсировать асимметрию в потенциалах в пользу НАТО. В другом сценарии уже члены НАТО, с учетом опыта 2014 и 2021-2022 гг., наносят такой удар, приняв военные учения России в приграничье за подготовку к агрессии. Еще один сценарий предполагает военное вовлечение сторон в условиях гипотетической смены внутривосточной обстановки в Белоруссии.

Политики в Соединенных Штатах и Европе должны начать работать над предотвращением следующей войны. Главный принцип — обеспечить достаточное сдерживание, не провоцируя Россию. Видится, что этому должен способствовать следующий набор шагов. Во-первых, необходимо укрепление трансатлантических отношений, несмотря на нынешние проблемы. И здесь американское присутствие является решающим фактором в снижении рисков войны. Американский расчет на выход из Европы ошибочен: США слишком связаны с Европой экономически и в любом случае не смогут остаться в стороне от возможного конфликта. Во-вторых, необходимо укреплять военный потенциал Европы, но имея в виду четкие приоритеты: нельзя пытаться сдерживать все возможные риски. В-третьих, только сдерживания в коммуникации с Москвой недостаточно — нужна новая платформа с учетом исторического опыта, например, установление линии связи Европа-Россия по аналогии с ядерной горячей линией США-Россия. Россия и страны НАТО также могли бы создать механизмы снижения рисков, аналогичные американско-советскому Соглашению о предотвращении инцидентов в открытом море (1972). После урегулирования украинского конфликта желательно восстановление некоторого уровня взаимовыгодной связанности. Со стороны США и Европы ее мог бы регулировать современный аналог КОКОМ — многостороннего режима экспортного контроля. В-четвертых, необходимо прочное и формализованное мирное соглашение в Украине, предполагающее демилитаризованные зоны, механизмы разрешения споров и мониторинг третьими сторонами. В дополнение к нему следует обеспечить

украинским вооруженным силам возможности для сдерживания России от возобновления конфликта. В-пятых, потребуется сбалансировать стратегию в российском приграничье — Белоруссии, Грузии и Молдове. Запад не хочет признать их сферой влияния России, но и не готов интегрировать их в свои структуры. Необходимо удерживать конкуренцию за эти страны в рамках, ведя с Россией диалог о региональной безопасности.

Обстановка на континенте после окончания украинского конфликта останется нестабильной и взрывоопасной. В условиях дефицита диалога НАТО и Россия будут с трудом понимать друг друга, предполагая наличие враждебных намерений у противоположной стороны. Задача Запада — не дать России демонтировать нынешнюю архитектуру безопасности в Европе, при этом избегая прямого столкновения с ней. Установление нового статус-кво потребует диалога между могущественными противниками. Успех этих усилий неочевиден, но этот шанс необходимо использовать.

Источник: Europe's Next War. The Rising Risk of NATO-Russia Conflict. Samuel Charap and Hiski Haukkala. Foreign Affairs. March/April 2026

(Не)безопасные воды: регион Балтийского моря и переосмысление безопасности в Европе

Польский институт международных отношений, Польша

Балтийский регион рассматривается как ключевой узел перестройки европейской безопасности после 2022 г. Усиленная российская военная и «гибридная» активность сталкивается с нарастающим ответом НАТО, ЕС и региональных форматов.

Балтийский театр тесно связан с Арктикой и Северной Атлантикой. Расширение НАТО за счет Финляндии и Швеции повышает обороноспособность стран региона, но усиливает роль Балтики и в стратегических расчетах Москвы. На фоне повышения российский военных

расходов, развития Балтийского и Северного флотов, а также общего усиления на северо-западном направлении, растут риски ограниченных операций против уязвимых участков НАТО. Угрозу представляют «гибридные» активности: диверсии, кибератаки, манипуляции миграцией, использование «теневого» флота и давление на критическую инфраструктуру и навигацию. Балтия превращается в главный коридор импорта ресурсов и площадку для осуществления ускоренного энергоперехода, что повышает ценность и уязвимость морской инфраструктуры. Ответом на российскую активность должны стать усилия НАТО и ЕС по адаптации оборонительных планов и морской политики. Необходима более тесная региональная кооперация.

Балтийский регион является лабораторией новой европейской архитектуры безопасности, где военное сдерживание неотделимо от противодействия гибридным, энергетическим и экологическим рискам. Эффективность предлагаемой модели зависит от готовности стран региона и их трансатлантических партнеров системно наращивать военные возможности, защищать критическую инфраструктуру и выстраивать общие институциональные и коммуникационные рамки, чтобы не допустить превращение Балтики в главный театр будущей конфронтации.

Источник: (Un)safe Waters: the Baltic Sea Region and the Redefinition of Security in Europe. Filip Bryjka, Amanda Dziubinska, Aleksandra Koziol, Pawel Markiewicz, Tymon Pastucha. Polski Instytut Spraw Międzynarodowych (PISM), 17.03.2026

Политика в отношении России: вместе, порознь или против США?

Фонд «Наука и политика», Германия

В главе из упомянутого выше доклада фонда «Наука и политика» предложены параметры действий Германии и ЕС на российском направлении в условиях проблем трансатлантической координации.

Сегодня Россия является угрозой безопасности номер один для Европы. Москва не заинтересована в сохранении суверенной Украины и стремится к пост-западному, многополярному миропорядку, в котором Европа в лучшем случае должна играть подчиненную роль. Германия реагирует на это всеобъемлющими санкциями и военной поддержкой Украины. При этом тесная координация с Вашингтоном носит ключевой характер. Возвращение Д. Трампа в Белый дом серьезно осложняет ситуацию и ставит вопрос о позиции Европы в отношении санкций, поддержки Украины и мирных переговоров.

Санкции ЕС и США в отношении России дополняют друг друга. Непоследовательная и непредсказуемая политика Трампа сбивает союзников с толка. Однако, согласованные санкции в отношении Лукаша и Роснефти (2025) все еще говорят о возможной трансатлантической координации. ЕС и Германии необходимо добиваться сохранения санкций и добиваться согласованного подхода, особенно на основе диалога с лояльными силами в Госдепе и Минфине США. Вместе с тем, требуется защитить европейский санкционный механизм от сбоя в случае американского отказа от санкций. Германии важно иметь возможности по формированию коалиции единомышленников, чтобы поддерживать экономическое давление на Россию даже без консенсуса в ЕС.

Германия и Европа должны быть готовы к тому, что США откажутся от роли ключевого спонсора и поставщика вооружений для Украины, а также к более худшему сценарию — требованию Вашингтона ограничить европейскую помощь. Европейцы должны значительно увеличить свои производственные мощности, активнее кооперировать с Украиной, а также создать коалиции желающих за пределами Европы. На сегодняшний день Европа явно не в состоянии обеспечить Украине достаточные гарантии безопасности.

В переговорах о прекращении конфликта на Украине Европа и Германия будут вынуждены снова и снова корректировать линию Д. Трампа, который подвержен манипуляциям Москвы.

Германия и Европа имеют дело с администрацией США, которая больше не разделяет европейские цели. В этих условиях необходимо последовательно уменьшать свою зависимость от Вашингтона, не теряя при этом контакта с ориентированными на поддержку Украины и дружественными Европе силами в США. Европейцы должны сопротивляться как максималистским требованиям Москвы, так и одностороннему подходу Вашингтона. Переговорное решение должно предусматривать суверенитет Украины и надежные гарантии безопасности. Территориальная целостность Украины должна оставаться принципом европейской политики, даже если сегодня она не может быть обеспечена.

Источник: Russlandpolitik ohne, mit oder gegen die USA? Was geht und was nicht geht. Sabine Fischer, Margarete Klein, Janis Kluge. In: Mit, ohne, gegen Washington: Die Neubestimmung der Beziehungen Europas zu den USA. Barbara Lippert, Stefan Mair (Hg.). SWP. 22.01.2026

Неоднозначное партнерство. Россия и Турция между соперничеством и сотрудничеством

Центр восточных исследований, Польша

Отношения России и Турции формируются как амбивалентное партнерство, где прагматичное экономико-энергетическое сотрудничество сосуществует с региональным соперничеством и взаимным балансированием между Западом и незападными центрами силы.

Обе стороны сходятся в оценке ослабления западного доминирования и перехода к многополярному порядку, но Москва стремится встроиться в «пост-западный» мир в связке с Китаем, ослабляя связи Анкары с НАТО, тогда как Турция использует многовекторность для максимизации автономии и выгод без разрыва отношения с Западом. Россия видит в Турции удобного, но

амбициозного партнера и пытается усилить ее дрейф от США за счет предложений в энергетической и военно-технической сферах, одновременно учитывая региональные устремления Анкары.

Исторический опыт чередования конфронтации и тактического сближения дополняется современной персонализацией связей через отношения руководителей двух стран. Это позволяет быстро гасить кризисы и удерживать общий каркас сотрудничества. Конфликт на Украине стал поворотным моментом: Турция одновременно поддерживает Киев и отказывается присоединяться к санкциям против России, превращаясь в ключевой торговый, финансовый и энергетический канал для российской экономики.

Россия и Турция избегают изменения качества отношений в союзные или конфронтационные, поддерживая постоянную динамику между сближением и контролируруемыми кризисами. Основой устойчивости служит сочетание экономических связей и персонализированной коммуникации на высшем уровне. Судьба российско-турецкого партнерства будет определяться сочетанием факторов: исходом украинского конфликта, характером отношений Россия-США и способностью Анкары конвертировать свой возросший ресурс в устойчивое усиление позиций, при этом не оказавшись связанной с Кремлем сильнее, чем позволяют ее долгосрочные интересы как региональной державы и члена НАТО.

Источник: Dwuznaczne partnerstwo. Rosja i Turcja między rywalizacją a współpracą. Adam Michalski, Witold Rodkiewicz. Ośrodek Studiów Wschodnich, 23.02.2026

Взгляд КНР на глобальные тенденции

Обзор в сфере международной стратегии и безопасности

(2025/2026)

Китайская академия

современных международных отношений, КНР

Мировая экономика будет нестабильной. Ожидается дальнейшее замедление экономического роста, наиболее серьезные факторы неопределенности — тарифная политика администрации Д. Трампа, риски на рынке криптовалют и продолжающиеся конфликты.

Усилится глобальная конкуренция, возрастет роль средних держав. «Средние державы» (например, Турция, Бразилия и ЮАР) и другие страны «Глобального Юга» играют важную роль в урегулировании конфликтов, что способствует региональной интеграции и ускоряет движение к многополярности.

Идейные веяния в международных отношениях становятся сложнее, проявляется дилемма популизма. Популистские политические силы сохраняют власть во многих странах Европы и Америки, но их управленческие провалы становятся очевиднее. Инклюзивный подход, отстаиваемый странами «Глобального Юга», вносит рациональные подходы в международные идейные течения.

В США усиливается политическая поляризация. Эскалация межпартийной борьбы и возникновение противоречий внутри партий может привести к росту социально-политических конфликтов и к снижению эффективности внутренней и внешней политики США.

Украинский кризис постепенно сходит на нет, но соперничество между Россией и Западом продолжается. Россия и Украина демонстрируют признаки усталости после борьбы на истощение, развитие боевой обстановки зависит от выносливости обеих сторон и объемов помощи Запада. США, Россия, Европа и Украина ведут бурную игру вокруг посреднических усилий администрации Д. Трампа, но прорыв в мирных переговорах по-прежнему трудно достижим.

Старые и новые противоречия проверяют мир на Ближнем Востоке на прочность. Перемирие в Газе хрупкое, мирный план Д. Трампа обладает очевидными недостатками. Фундаментальные причины израильско-палестинского конфликта остаются неразрешенными.

Ускоряется трансформация порядка в АТР, при этом усиливается роль вопросов безопасности. Повышается напряженность вокруг горячих точек в Восточно-Китайском море, Южно-Китайском море и в Мьянме, увеличивается давление на страны региона, чтобы те выбирали сторону.

Развитие ИИ стимулирует научное развитие и изменения в промышленности, но и порождает экономические и военные риски. Усиливается конкуренция за полезные ископаемые среди крупных держав. Некоторые богатые ресурсами странами координируются для увеличения собственного международного влияния и переговорной силы.

Китай будет фокусироваться на собственном развитии, отталкиваясь от задач 15-го пятилетнего плана развития (2026-2030 гг.). КНР намерена продолжать активную дипломатию, защищать стабильность вокруг Китая, выступать ведущей силой реформы глобального управления и вносить стабильность и устойчивость в период турбулентности и перемен.

Источник: 《国际战略与安全形势评估 (2025/2026)》 (Обзор в сфере международной стратегии и безопасности (2025/2026)). 中国现代国际关系研究所. 2026年1月5日

Прогноз девяти глобальных мегатрендов на 2026 год

Институт мировой экономики и политики КАОН, КНР

1. Многополярность «на перекрестке трех дорог». Концепции многополярности ведущих стран четко различаются. США, заявляя о многополярности на словах, на деле возвращаются к пути империализма. Другие западные страны укрепляют свои альянсы, колеблясь между стратегической автономией и зависимостью от США. Китай выступает за равноправный многополярный мир, противостоя как насильственному навязыванию Западом «международного порядка, основанного на правилах», так и разделению мира на сферы влияния и расширению территорий. Китай будет объединять усилия со странами «Глобального Юга», чтобы защищать многосторонние подходы.

2. Структурная «регулировка» системы международной безопасности. Фундаментальный сдвиг в балансе сил пошатнул основы международной безопасности. Относительно ослабленные США больше не выступают за сохранение статус-кво и не желают нести издержки, возникшие из-за действий их союзников. США даже пытаются извлечь выгоду из подрыва стратегической стабильности, втягиваясь в конфликты ради краткосрочной выгоды. Средние державы в периоды нестабильности стремятся максимизировать собственные интересы, а не сотрудничать в решении проблем в сфере международной безопасности.

3. Реформа глобального управления накапливает потенциальную энергию. Некоторые страны продолжают использовать односторонние действия и малые многосторонние форматы для усиления своих переговорных возможностей и перераспределения издержек управления, а также пытаются внедрять на их полях свои программы и правила. Страны «Глобального Юга», включая Китай, возглавляют трансформацию глобального управления в виде перехода от западного доминирования к модели «совместное обсуждение,

совместное строительство и совместное использование». Ожидается достижение консенсуса по таким вопросам, как климатическое финансирование, искусственный интеллект, содействие инвестициям и реформа многосторонних механизмов.

4. «Глобальный Юг» становится ключевым регионом для крупных держав. Новые энергетические и высокотехнологичные отрасли повышают коммерческую и геополитическую значимость полезных ископаемых стран «Глобального Юга». Признание и поддержка «Глобального Юга» стали критерием легитимности различных международных инициатив. В то же время некоторые развитые страны продолжают использовать сочетание стимулов и давления, пытаясь разделить и ослабить «Глобальный Юг».

5. Реструктуризация глобальных цепочек добавленной стоимости в противовес повышению эффективности. США выстраивают замкнутый промышленный цикл, интегрируя партнеров и исключая Китай.

6. Ускоренная трансформация международной валютной системы. Растет значимость золота как резервного актива, одновременно с этим в новую стадию вступило развитие цифровых валют. Привлекательность долларовой системы в долгосрочной перспективе может снизиться, в том числе из-за сокращения возможностей США предоставлять глобальные общественные блага. Растущая доля развивающихся экономик в мировой торговле требует создания соответствующей валютной системы.

7. Технологические изменения перестраивают методы производства. Изменения подрывают традиционные преимущества трудоемких производств и способствуют реструктуризации глобальных производственных цепочек. Компании, контролирующие данные и алгоритмы превращаются в супермонополии.

8. Глобальным инвестициям свойственна «двухскоростная модель». Происходит и сокращение, и структурная дифференциация глобальных инвестиций. Невысокий уровень глобальных инвестиций становится

среднесрочной и долгосрочной тенденцией. В то же время Китай продолжает продвигать открытость, и китайские инвестиции за рубеж продолжают расти вопреки тренду, особенно в рамках реализации инициативы «Пояса и пути».

9. Глобальный энергетический переход терпит неудачу, хотя рост мощности возобновляемых источников энергии в мире продолжает расти. Так, США пытаются восстановить доминирующее положение ископаемого топлива в своей энергетической структуре. На этом фоне Китай, обладая стратегической решимостью, постоянной политической поддержкой и огромными рыночными преимуществами, продолжит укреплять позиции «двигателя» энергетического перехода.

Источник: 2026年全球九大趋势展望 (Прогноз девяти глобальных мегатрендов на 2026 год). 廖凡, 高凌云. 中国社会科学院世界经济与政治研究所

**Китай не может и не обладает желанием восполнить вакуум,
оставленный Соединенными Штатами**

*Центр международной безопасности и стратегии
Университета Цинхуа, КНР*

Материал составлен на основе интервью директора Центра международной безопасности и стратегии Университета Цинхуа Да Вэя.

Китайско-американские отношения находятся на решающем этапе, когда могут появиться новые возможности в двусторонних отношениях. Личное отношение Д. Трампа к Китаю относительно нейтральное, он готов заключать «сделки», проявляет уважение и к китайскому лидерству, и к Китаю как стране. Тем не менее, решения и влияние Д. Трампа ограничены множеством факторов, включая расхождения позиций между членами администрации и между государственными ведомствами. Д. Трамп не может

изменить внешнюю среду и политику США по отношению к Китаю волевым решением.

Для стабильности в китайско-американских отношениях – даже в условиях нынешней внутривластной обстановки в США – Китай будет содействовать взаимодействию на всех уровнях, предлагая создавать больше институциональных механизмов, в том числе в сфере торговли и обороны. Также отношения могут стать более позитивными, если Китай сможет в дальнейшем поддерживать хорошую динамику экономического и технологического развития — Штатам нужно будет принять реальность сосуществования.

Вдобавок к стабильным отношениям с США, Китаю важно продолжать развивать отношения с крупными игроками, расширяя круг друзей, включая США, Европу, Индию и страны «Глобального Юга». В отношениях с Европой Китай не может обойти стороной Евросоюз, несмотря на возможности в двусторонних отношениях с отдельными странами-членами. Ему необходимо развивать отношения с этой структурой, хотя сейчас они осложняются украинской проблемой и структурными противоречиями в экономической и торговых сферах.

Что касается выхода США из некоторых международных организаций, Китай не может и не намерен заполнять сформировавшийся «вакуум». Китай не является гегемонистской державой и не стремится стать сверхдержавой в традиционном смысле. Помимо того, национальных возможностей Китая пока недостаточно, чтобы самостоятельно восполнить пробелы в глобальном управлении. Все страны, следуя многополярности, должны решать проблемы глобального управления вместе.

Источник: 中国不会也无意填补美国留下的“真空” (Китай не может и не обладает желанием восполнить вакуум, оставленный Соединенными Штатами) 达巍. 清华大学战略与安全研究中心. 16.03.2026

«Рефеодализация» международного порядка?

Китайская академия

современных международных отношений, КНР

На фоне ударов США по Венесуэле вновь актуальным становится тезис о разрушении (или трансформации) существующего миропорядка, центром которого является ООН. Автор не соглашается с тем, что существующий миропорядок обречен на провал, описывая происходящие процессы как «рефеодализацию» — временное возрождение гегемонизма и силового подхода, вызванное упадком гегемонии США.

Утверждения о том, что существовавший мировой порядок больше не работает, упрощены. Такие интерпретации подразумевают, что частые локальные конфликты, возрождение гегемонизма и недостаток глобального управления — это «провал» системы, центром которой является ООН, и порядка, основанного на международном праве. Однако озабоченность насчет устойчивости нынешнего международного порядка вызвана действиями лишь немногих стран, большинство — по-прежнему за ООН. Проблемы миропорядка объясняются не изъянами Устава ООН, а лицемерием тех стран, которые используют его принципы избирательно. Яркий пример — нападение США на Венесуэлу. Это не провал международного права, а скорее вызов закону со стороны правонарушителя.

Демократизация в международных отношениях неизбежна, даже несмотря на временное усиление гегемонизма и силовой политики. Об этом свидетельствует подъем стран Глобального Юга. Можно констатировать не развал, а временный «беспорядок» международного порядка. Развитие системы глобального управления отстает от глобализации.

Нынешнее положение можно охарактеризовать как «рефеодализацию». Это понятие означает возможность отступления от системы суверенных

равных государств к доминированию нескольких могущественных наций, которые делят мир на сферы влияния в соответствии со своими возможностями. «Рефеодализация» остается временным явлением, которое вызвано упадком американской гегемонии. США переходят к изоляционистской политике, а некоторые страны пытаются создавать эксклюзивные «малые группы» и расширять военные альянсы, продолжая практики холодной войны.

Китай должен выступить решительно против возрождения «феодализма», выступая за решение глобальных проблем посредством диалога, поддерживая ключевую роль ООН, отстаивая общие ценности всего человечества и путем реализации инициатив в области глобального управления. Любые попытки повернуть время вспять обречены на провал, международное сообщество должно объединиться, чтобы противостоять гегемонизму и силовой политике.

Источник: 国际秩序正在“再封建化”吗 («Ре-феодализация» международного порядка?). 傅小强. 中国现代国际关系研究所. 《环球时报》

Ближний Восток и его соседи

Монархии Персидского залива: война с Ираном как испытание

Институт Монтеня, Франция

В материале анализируется влияние американской военной кампании против Ирана на государства Персидского залива. Предпринята попытка дать прогноз изменений в политике безопасности стран региона.

Новая война на Ближнем Востоке серьезно перетасовала карты: подобных последствий страны региона не испытывали с 2003 г. Послевоенный Персидский залив будет сильно отличаться от того, чем он был ранее. Основные изменения коснутся сфер обороны и безопасности. Странам Залива пока удастся минимизировать военный ущерб, благодаря ранее осуществленным масштабным инвестициям в системы ПВО. Но в случае затягивания конфликта их арсеналы могут истощиться, что повлечет рост ущерба.

После войны монархии Залива, скорее всего, будут еще активнее инвестировать в системы ПВО/ПРО, закупая вооружения как у США, так и у Израиля и Южной Кореи. Роль Европы как поставщика безопасности, вероятно, будет ограниченной. Кроме того, происходящие события выявили неготовность властей и населения стран Залива к чрезвычайным ситуациям, отсюда прогнозируемый интерес к строительству бомбоубежищ и системы раннего оповещения по образцу Израиля.

С точки зрения дипломатии страны по-разному отреагировали на войну. Признаков их коллективных действий не наблюдается. После войны государствам Персидского залива придется решить вопрос о роли США в обеспечении своей безопасности. Хотя США более не считаются надежным партнером, Китай не может и не желает их заменить. Остается вариант

диверсификации отношений за счет сближения с Израилем, Южной Кореей, Индией и Пакистаном, Великобританией и Францией. Связи с Ираном, вероятно, будут подорваны. Главный же вопрос заключается в том, сколько времени потребуется, чтобы восстановить доверие иностранных инвесторов. Но это во многом будет зависеть от того, когда и как закончится текущий конфликт.

Текущая война в Персидском заливе серьезно изменит политику нефтяных монархий в вопросах обороны и безопасности. Прогнозируется ослабление связей с Ираном и снижение доверия к США как гаранту безопасности. Вероятно, страны Персидского залива будут расширять партнерство с другими игроками: от Израиля до Южной Кореи.

Источник: Les monarchies du Golfe à l'épreuve de la guerre avec l'Iran. Jean-Loup Samaan. Institut Montaigne. 09.03.2026

**Комментарии главы Центра изучения политики Эмиратов
Э. аль-Кэтби о конфликте между США, Израилем и Ираном
Центр изучения политики Эмиратов, ОАЭ**

Из-за военных ударов Ирана по военным базам США и нефтегазовой инфраструктуре региона, страны Совета сотрудничества государств Персидского залива оказались полностью вовлечены в динамику конфликта. Он станет проверкой на прочность для экономической модели стран Залива, основанной на четырех взаимосвязанных составляющих: стабильных поставках энергоресурсов, безопасности морских коридоров, ключевой роли в глобальных цепочках поставок и привлекательности инвестиционного климата.

Что касается трансформации архитектуры безопасности в регионе, то несмотря на использование Ираном баллистических ракет и дронов, арабские страны продемонстрировали высокий уровень боеготовности. При этом

концепция сдерживания должна быть пересмотрена: помимо передовых оборонных возможностей арабским государствам потребуется повысить издержки эскалации конфликта для Ирана. Речь идет о «тщательно выверенных ограниченных вариантах ответа» и «непрямом сдерживании» (выстраивании отношений в области обороны и безопасности с крупными державами). Стабильность стран Персидского залива сказывается как на региональной стабильности, так и на международной экономической безопасности.

Эскалация напряженности и военные удары Ирана по странам ССАГПЗ превратили их из наблюдателей в непосредственно участников военного конфликта, что подталкивает их к переоценке своей оборонительной стратегии. Помимо прямых военных угроз, особый акцент сделан на стабильности региона Персидского залива, который играет ключевую роль в международной экономической системе и глобальных цепочках поставок.

Источники: Brief commentaries of the head of the Center Dr. Ebtesam Al-Ketbi on the conflict between the USA, Israel and Iran. March 4-13, 2026

Война в Иране глазами Москвы: риски, возможности и стратегические уроки

Институт исследований национальной безопасности, Израиль

В материале анализируется стратегическое положение России в условиях военного конфликта между США, Израилем и Ираном в 2026 г.

Война в Иране сопряжена со значительными рисками для России. Возможная дестабилизация иранского режима или даже его падение является неблагоприятным сценарием для Москвы, так как Иран не столько региональный партнер, сколько одно из государств, с которыми Россия стремится сформировать альтернативный западной гегемонии международный порядок. Другим негативным последствием для Москвы является возможное повреждение Бушерской АЭС, что может ослабить один

из ключевых факторов влияния России в сфере энергетики на Ближнем Востоке.

При этом, конфликт открывает для Москвы ряд возможностей: внимание стран Запада больше сосредоточено на Иране, а не на Украине; нестабильность в Персидском заливе вызывает опасения по поводу перебоев с поставками энергоресурсов, что играет на руку экономическим интересам России. Особенно это касается поставок российских нефтегазовых ресурсов в Китай, которые не зависят от ситуации в Ормузском проливе.

Позиция России основана на «осторожном стратегическом равновесии»: осуждение действий США и Израиля и дипломатическая поддержка Ирану сочетаются с действиями Москвы, направленными на избежание эскалации.

Источник: The War in Iran Through Moscow's Eyes: Risks, Opportunities, and Strategic Lessons. Bat Chen Druyan Feldman, Arkady Mil-Man. The Institute for National Security Studies, INSS. March 17, 2026

Китайско-иранские отношения подвергаются испытанию войной: ограниченное стратегическое партнерство

Институт исследований национальной безопасности, Израиль

Материал посвящен анализу позиции Китая и китайско-иранских отношениях в условиях военного конфликта между США, Израилем и Ираном.

Китай сдержанно отреагировал на военный удар по Ирану, согласно своей политике невмешательства. Это объясняется рядом причин. Первое — концентрация на внутренних делах ввиду важнейших внутривнутриполитических мероприятий — ежегодного заседания высшего совещательного органа страны Народного политического консультативного совета и китайского парламента Всекитайского собрания народных представителей. Их решения будут определять действия Пекина на ближайшие годы. Второе — геополитические условия. Активная поддержка Ирана может негативно

сказаться на американо-китайских отношениях, которые сейчас проходят через чувствительный период. Китай также не хочет портить хорошие отношения со странами Персидского залива, которые стали участниками этого конфликта. Третье — возможное падение режима в Иране, что может повлиять на двусторонние отношения. Четвертое — перебои в поставках энергоресурсов из стран Персидского залива в краткосрочной перспективе не окажут сильного влияния на Китай, но сложившаяся ситуация вызывает серьезное беспокойство Пекина.

Реакция Китая на войну в Персидском заливе соответствует его стратегии на Ближнем Востоке: дипломатическая гибкость важнее поддержки какой-либо из сторон в конфликтах. Хотя Иран и находится в тяжелой ситуации, китайское руководство стремится сохранить пространство для маневра и избежать прямого участия в конфликте. Израилю необходимо четко донести до Китая, что послевоенное восстановление Ирана не должно затрагивать его военный потенциал, так как это будет воспринято крайне негативно не только Израилем, но и США.

Источник: China–Iran Relations Put to the Test of War: A Limited Strategic Partnership. Galia Lavi. The Institute for National Security Studies, INSS. March 15, 2026

Дрейфующий мир: глобальная политика в период нестабильного перехода

*Фонд политических, экономических и социальных исследований,
Турция*

Введение к турецкому аналитическому ежегоднику SETA Security Radar, в котором дана оценка рисков, возможностей и стратегических решений, которые будут определять геополитическую обстановку и положение Турции в 2026 г.

Международная ситуация перешла в состояние «дрейфа» — система, сформированная после холодной войны, перестала работать, а новые нормы и/или союзы еще не способны гарантировать стабильность. Нынешняя стратегическая обстановка характеризуется следующими чертами. Первое — борьба за влияние стала «многосоставной» (военный, экономический, технологический и информационный аспекты тесно взаимосвязаны); второе — международная система трансформируется в «фрагментарный порядок», что позволяет средним державам проводить более прагматичную политику, но сама система становится более нестабильной; третье — становится все сложнее управлять геополитическими, экологическими и технологическими рисками; четвертое — «состояние исключения», при котором нормы формируются не правом и институтами, а реальным положением дел и соотношением сил, становится новой нормальностью. На этом фоне международные институты (ООН, ВТО) переживают кризис легитимности и функциональности, не справляясь с конфликтами в различных регионах мира, что ведет к фрагментации мирового порядка и росту параллельных структур (БРИКС, ШОС). На вакуум в системе глобального управления накладываются риски технологического развития, главный из которых — стирание границ между военными и гражданскими технологиями и рост вероятности непреднамеренной эскалации конфликта вследствие повышения автономности технических систем.

Все это оказывает влияние на безопасность пространства, находящегося в непосредственной близости от Турции (от Ближнего Востока до Черного моря и от Южного Кавказа до Восточного Средиземноморья). Сейчас обстановка в сфере безопасности характеризуется обострением геополитической конкуренции, хрупкой стабильностью и многосоставной динамикой рисков и возможностей.

Стратегическое позиционирование Турции на 2026 г. должно предполагать следующие принципы. Первое — стратегическая

независимость, так как опора исключительно на внешних игроков в области безопасности доказала свою несостоятельность. Второе — гибкая дипломатия, возможность сотрудничать с различными государствами в одной области, несмотря на противоречия в другой. Третье — стабильность как процесс, а не цель, постоянная корректировка внешней политики в ответ на меняющиеся угрозы, готовность к участию в урегулировании конфликтов, которые невозможно разрешить сразу. Четвертое — понимание того, что стабильность в регионе возможна, только когда региональные государства возьмут на себя ответственность за его безопасность.

Источник: Introduction. A World in Drift: Global Politics in Volatile Transition. Türkiye's Geopolitical Landscape in 2026. Murat Yeşiltaş and Sibel Düz. In: SETA Security Radar SETA Foundation. January 21, 2026

Приложение: зарубежные аналитические центры

США

Совет по международным отношениям

(Council on Foreign Relations, CFR)

Один из старейших ведущих мозговых центров США по вопросам внешней политики и безопасности. Является важной площадкой для коммуникации представителей государственного аппарата, крупного корпоративного бизнеса, а также зарубежных государственных деятелей. Эксперты Совета регулярно выступают на слушаниях в Конгрессе США, а также готовят рекомендации для других органов власти. Совет выпускает журнал *Foreign Affairs*.

Центр стратегических и международных исследований

(Center for Strategic and International Studies, CSIS)

Входит в число наиболее авторитетных и крупных «мозговых центров» США и мира. В качестве попечителей, администраторов и программных директоров центра работают бывшие высокопоставленные представители госаппарата США. В разное время попечителями Центра были Г. Киссинджер, З. Бжезинский, С. Нанн, Б. Скоукрофт. Среди значимых доноров фонда есть крупнейшие игроки американского ОПК: *Northrop Grumman, Lockheed Martin, Boeing, General Dynamics, RTX* (быв. *Raytheon Company*). Центр осуществляет экспертизу в интересах различного круга заказчиков вне зависимости от партийной принадлежности, а также приглашает на свою площадку различных мировых лидеров.

Деятельность Центра признана нежелательной на территории России.

Корпорация РЭНД

(RAND Corporation)

Крупнейший аналитический центр США, насчитывающий около 2 тыс. сотрудников. Стоял у истоков применения системного анализа и игр к исследованию вопросов стратегии. Играет серьезную роль в аналитической поддержке внешней политики и политики в сфере обороны и безопасности США. Значительная часть современных исследований посвящена военному строительству, соперничеству с Россией и КНР.

Деятельность Корпорации признана нежелательной на территории России.

Фонд «Наследие»

(The Heritage Foundation)

Американский правоконсервативный мозговой центр, близкий к Республиканской партии. В годы работы первой администрации Д.Трампа целый ряд аффилированных с Фондом лиц работал получил назначение в правительстве США. В 2023 г. Фонд опубликовал «Проект 2025» с контурами повестки будущего президента-республиканца. Часть авторов проекта впоследствии работали на избирательной кампании Трампа и вошли в его исполнительный кабинет.

ВЕЛИКОБРИТАНИЯ

Королевский объединённый институт оборонных исследований

(The International Institute for Strategic Studies, RUSI)

Старейший «мозговой центр» в мире, тесно интегрирован во внешнеполитическое и военное сообщества Великобритании. Значительная

часть исследований Института посвящена российскому оборонному сектору и мерам противодействия России.

Деятельность организации признана нежелательной на территории России.

ФРАНЦИЯ

Французский институт международных отношений

(Institut français des relations internationales, IFRI)

Крупнейший независимый исследовательский центр Франции по вопросам международных отношений, основанный Т. де Монбриалем в 1979 г. В консультативные органы Института входят бывшие и действующие высокопоставленные представители официальных ведомств и крупного французского бизнеса, дипломаты. *IFRI* в партнерстве с Королевским институтом международных отношений (Чатем-Хаус), корпорацией РЭНД и Германским институтом международной политики и безопасности (Фонд «Наука и политика») организует мероприятия в формате «полуторного трека». Институт выпускает коллективный ежегодник *Ramsès* о ключевых международных событиях, тенденциях и проблемах, а также периодический журнал *Politique Etrangère*.

Институт международных и стратегических отношений

(Institut de Relations Internationales et Stratégiques, IRIS)

Один из ведущих независимых мозговых центров Франции. Основан в 1991 г. П. Бонифасом. Помимо исследований занимается подготовкой специалистов в области стратегического анализа. Основная часть финансирования *IRIS* обеспечена контрактами с государственными ведомствами, в том числе Министерством обороны Франции.

Институт Монтеня

(Institut Montaigne)

Один из авторитетных мозговых центров Франции, основанный в 2000 г. К. Бебеаром, генеральным директором страховой группы *Аха*. Тесно связан с крупным бизнесом, банковской сферой и компаниями ОПК. Не имеет государственного финансирования. В консультативные органы института входят представители бизнеса, высокопоставленные чиновники, дипломаты, представители силовых структур. Считается каналом трансляции праволиберальных и европеистских идей, оказывающих влияние на внутреннюю и внешнюю политику Франции при президенте Э. Макроне. Фокусируется на проблемах социально-экономического развития, эффективности государственного аппарата, европейской интеграции и международных отношений, по которым регулярно публикует доклады и аналитические записки с рекомендациями, проводит семинары и конференции с участием представителей законодательной и исполнительной власти.

ГЕРМАНИЯ

Германский институт международной политики и безопасности фонда «Наука и политика»

(Deutsches Institut für Internationale Politik und Sicherheit, SWP Berlin)

Ведущий немецкий аналитический центр, финансируемый за счет государственных средств. Существует как дочерняя организация фонда «Наука и политика», в наблюдательный совет которого входят высокопоставленные члены правительства, парламента, крупнейших деловых ассоциаций и компаний. Осуществляет экспертизу в интересах Ведомства федерального канцлера, бундестага и других органов власти, а также международных организаций.

Фонд Фридриха Эберта

(Friedrich-Ebert Stiftung)

Один из крупнейших общественно-политических фондов Германии. Функционирует под эгидой Социал-демократической партии Германии, члена правящей коалиции ФРГ. Занимается широким кругом политических, экономических и социальных вопросов, ведет активную аналитическую и образовательно-просветительскую деятельность за рубежом, в том числе на постсоветском пространстве.

Деятельность организации признана нежелательной на территории России.

ОБЩЕЕВРОПЕЙСКИЕ ЦЕНТРЫ

Европейский совет по международным отношениям

(European Council on Foreign Relations, ECFR)

«Мозговой центр» и крупнейшая в Европе сеть экспертов из всех 27 стран ЕС. Является выразителем мнений европейского мейнстрима по вопросам международной политики и безопасности. Соучредитель и директор Совета Марк Леонард — авторитетный британский эксперт.

Европейская сеть лидеров

(European Leadership Network, ELN)

Независимая британская НКО, под эгидой которой работает сеть европейских экспертов. *ELN* возглавляет бывший британский министр обороны Д. Браун. В руководство также входят бывший министр иностранных дел Великобритании М. Рифкинд, экс-министр иностранных дел Испании А. Паласио, бывший постоянный представитель Италии в НАТО С. Стефанини. Проекты сети финансируются внешнеполитическими ведомствами стран Европы, Североатлантическим альянсом, крупными европейскими и американскими НКО.

Деятельность организации признана нежелательной на территории России.

ПОЛЬША

Польский институт международных отношений

(The Polish Institute of International Affairs - Polski Instytut Spraw Międzynarodowych, PISM)

Ведущий польский аналитический центр в области международных отношений. Считается одним из наиболее авторитетных в Центральной Восточной Европе. Институт предоставляет экспертные рекомендации польскому правительству для принятия внешнеполитических решений. PISM финансируется в основном из государственного бюджета Польши и тесно сотрудничает с министерствами иностранных дел и обороны Польши.

Центр восточных исследований

(Center for Eastern Studies - Ośrodek Studiów Wschodnich, OSW)

Польский государственный аналитический центр в подчинении Канцелярии премьер-министра. Является крупнейшей экспертной организацией в регионе Центральной и Восточной Европы, специализирующейся на региональной тематике, в первую очередь постсоветском пространстве. Особое внимание эксперты центра уделяют «Восточному партнерству» ЕС, вызовам энергетической безопасности в Европе, а также политической и социально-экономической трансформации соседних с Польшей стран.

КНР

Китайская академия современных международных отношений

(中国现代国际关系研究院, *China Institute for Contemporary International Relations, CICIR*)

Ведущий «мозговой центр» КНР по вопросам международных отношений, экономики и безопасности, участвует в подготовке аналитических материалов в интересах ЦК КПК и других органов КНР.

Институт мировой экономики и политики

Китайской академии общественных наук

(中国社会科学院世界经济与政治研究所,

Institute of World Economics and Politics, CASS)

Один из передовых научных институтов КНР по комплексному анализу трендов развития современных экономических и политических процессов. Основан в 1964 г.

Центр международной безопасности и стратегии

Университета Цинхуа

(清华大学战略与安全研究中心, *CISS*)

Научно-исследовательское подразделение Университета Цинхуа, созданное в 2018 г. Специализируется на вопросах международных отношений, безопасности и вопросах стратегической стабильности и участвует в подготовке рекомендаций в интересах государственных органов КНР.

ЦЕНТРЫ БЛИЖНЕГО ВОСТОКА И ТУРЦИИ

Центр изучения политики Эмиратов

(Emirates Policy Center, EPC)

Исследовательский центр, основанный в 2013 г. после событий «Арабской весны» для изучения внутренних и внешних угроз в регионе Персидского залива и в арабском мире в целом. Основная задача центра — проведение стратегического анализа в интересах лиц, принимающих решения в ОАЭ. Основатель и глава центра — Ибтисам Аль-Кетби. С 2015 г. входит в консультативную комиссию при Совете сотрудничества арабских государств Персидского залива.

Институт исследований национальной безопасности

(The Institute for National Security Studies, INSS)

Независимый аналитический центр, участвующий в выработке политики безопасности Израиля. Центр тесно связан с Армией обороны Израиля: в центре работают бывшие представители израильских вооруженных сил, включая руководителя Т. Хаймана, бывшего главы Управления разведки (АМАН) генштаба Армии обороны Израиля.

Фонд политических, экономических и социальных исследований

(Siyaset, Ekonomi ve Toplum Araştırmaları Vakfı, SETA)

Турецкий аналитический центр, учрежденный в 2006 г. Несмотря на негосударственный статус, имеет тесные связи с государственными структурами и высокопоставленными чиновниками. Основатель Центра — И. Калын, руководитель Национальной разведывательной организации. Один из бывших руководителей Б. Дуран, возглавляет Дирекцию по коммуникациям

при президенте Турции. Эксперты *SETA* регулярно публикуются во
влиятельном ежедневном издании *Daily Sabah*, аффилированном с
окружением Р. Эрдогана.